

Виталий Каплан

ОКОЛО КОТА

Виталий Каплан

Около кота

«Автор»

2011

Каплан В. М.

Около кота / В. М. Каплан — «Автор», 2011

Чужой мир, средневековье. В государстве Арадаланга случилась буржуазная революция. Казнён король, запрещена инквизиция... Но инквизиция не прекратила существование, а просто ушла в подполье и продолжает действовать, только уже тайно. По-прежнему она вычисляет и карает колдунов. Подозрение падает на столичного аптекаря и врача господина Алаглани, и к нему в дом, в качестве слуги, подсылают шпиона — 14-летнего мальчика Гилара. У того непростое задание: не только выяснить, занимается ли аптекарь колдовством, но и понять принцип действия его магии. Выполняя эту задачу, Гилар попадает в разные переделки и о многом задумывается, в душе его борются долг и честь. И тогда он начинает свою игру... Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Лист 1.	5
Лист 2.	11
Лист 3.	16
Лист 4.	20
Лист 5.	23
Лист 6.	28
Лист 7.	32
Лист 8.	38
Лист 9.	43
Лист 10.	47
Лист 11.	52
Лист 12.	57
Лист 13.	61
Лист 14.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виталий Каплан

Около кота

Лист 1.

Я стою перед вами, почтенные братья, обязанный дать отчет об известных вам событиях. То есть наполовину известных, конечно. По древнему преданию нашему, приступая к своему отчету, именем Творца Изначального обязуюсь говорить правду, нимало не разбавляя её ложью. Рассказ мой будет долгим, ибо вы велели не упускать ни малейшей подробности, хоть бы мне самому она казалась пустяковой. Я, как мне объяснили, принёс камешки, а уж мудрейшие сложат из них недоступный моему пониманию узор.

Ну, уж как-нибудь справлюсь, почтенные братья! Многие из вас давно меня знают, а кто видит впервые – пусть задаёт любые вопросы. Да, меня уже предупредили, что вопросов будет много и порой самых неожиданных. Надеюсь, вы не сочтёте дерзостью, что во время моего рассказа – который окажется долгим – я время от времени буду пить и есть. Что, кстати, и вам советую. Торопиться же нам некуда, как только что заметил наистарейший брат Ахимасу. Также, насколько я его понял, мне надлежит рассказывать последовательно, не слишком забегая вперёд, и уделять внимание не только твёрдо установленному, но и своим догадкам, всякий раз отделяя одно от другого. А то, что вам и так известно, мне всё равно велено сообщать, ибо присутствуют среди нас и те, кто о сем деле слышит впервые.

Но давайте определимся, с какого места начать мне свой отчет? Ведь не от сотворения же мира, как это подчас бывает в праведных книгах? Хоть и довольно у нас времени, но не столько же!

Да, вы совершенно правы! Незачем говорить о том, что и так известно каждому в этой горнице. Давайте начнём с того дня, когда я попал в аптекарский дом.

Это был довольно жаркий день, и жара стояла уже целую неделю. Плохо, когда такая сушь в начале лета. Посевы только взошли, нежные они ещё, воды просят, а небо сухо, точно горло пьяницы, которому похмелиться нечем. Да что я вам рассказываю, вы и так знаете, что прошлой осенью был неурожай и цены на зерно поднялись едва ли не вдвое.

Итак, жарило сверху, и небо даже не голубым было, а белесым, как рубаха, которую много стирали и затем сушили на солнце. Час тогда шёл пятый от восхода, и никакой тени – только земля стоптанная, твёрже камня. А ещё воняло изрядно. Там же рядом склады, длинные такие сараи, где торгующие на Нижнем базаре купцы хранят свои припасы. Покупатели на Нижний базар ходят небогатые, а потому и невелика беда, коли товар будет второй свежести.

Где находился я? А находился я в канаве, куда меня пинками загнали трое парней. Тоже из бездомных. Осерчали они, что явился я, никому не известный, прямо на дорогу, ведущую к базару, и принялся клянчить милостыньку. Сами рассудите, не по-людски поступил. Нет чтобы смиренно спросить старшего местных нищих и выклянчить дозволение где-нибудь примоститься с краешку, да пятак за место заплатить, а к вечеру – третью долю с выручки... нет, припёрся то ли дурной, то ли наглый. Известное дело, надо такого поучить.

Вот они и учили – и хорошо ещё, что босота. Пятаками по рёбрам – всё же не сапогами коваными. Но всё равно несладко мне приходилось. Рубашку мою латаную-перелатаную и вовсе в клочки изорвали, да и штанам немногим лучше пришлось. Нет, убивать меня им интересу не было, да и калечить тоже. Просто поучить. В канаве-то почти пересохло, не утонешь, не осень. Но и приятного мало. Они там сверху стоят и камнями забрасывают. Не

такими, чтобы череп раскроить – мелкими камешками. А знаете, чего мне в тот час более всего хотелось? Никогда не догадаетесь! Умыться! К грязи-то я привычен, но уж больно противно, когда пыль на твоём лице с потом смешалась да с кровью. И ранка-то пустячная, ну, камнем щёку оцарапало, когда на мостовую они меня свалили и месить начали, а кровило изрядно.

Нет, парни эти больше в моем рассказе не появятся, не знаю уж, зачем вам про то, как выглядели они. Обычная такая босота. Старше меня года на два, загорелые – ну, так если целый день на улице, не захочешь, а загорись. Голоса уже сломались, но то и дело дают петуха. Драться плоховато умеют, сразу видать – просто нищие, а не из ночных. Впрочем, в моём положении и этого хватало. Вот и ревел я в голос, к поту, крови и пыли ещё и слёзы добавляя.

Продолжалось это не слишком уж долго – ну, может, с четверть часа. Больше-то и не надо.

А прекратилось от властного окрика:

– А ну, брысь!

Они и брызнули. Ну сами посудите, как не брызнуть, если на тебя такая махина прёт? И даже не в том дело, что махина, а что одета она, махина, по-знатному.

Первое, что я из канавы заметил, высунувшись – это штаны. Дорогого атласу штаны, цвета полевых колокольчиков. Штука такого от десяти до пятнадцати огримов идёт. И сапоги опять же – короткие, из телячьей кожи, тонкая работа.

А после и остальное разглядел. И кафтан зелёного сукна, серебристыми блёстками по бокам расшитый, и белый плащ модного покроя, и широкий пояс, на котором хоть и не сабля, как у высокородных господ, но вполне себе внушительный кинжал в костяных ножнах. И не в простых, а с узорной резьбой.

Ну и как, по-вашему, станут трое сопливых босяков с таким дядькой связываться? Тем более, полдень уж близок, это тебе не ночью в переулке. Да и вопрос ещё, вышло ли бы у них ночью. Ибо достал дядька свой клинок и начал его пальцами крутить. Ну, кто из вас ножевому делу обучен, тот понимает – большая выучка на такое нужна. Вот и босота поняла.

И я уж о том не говорю, что дядька-то не один был. Стоял рядом с ним парнишка, ровесник пацанам, только что учившим меня уму-разуму. Тонкий да высокий, про таких сказано: согнёшь, да не сломаешь. В простой одежде – рубаха полотняная некрашенная, подстать ей штаны, башмаки деревянные. Через плечо сумка большая перекинута. Волосы почти как у меня, только больше в рыжину уходят, а глаза серо-зелёные, и если приглядеться, конопушки на лице имеются.

В общем, удрали босяки, точно крысы в погребу, когда погромче топнешь да свистнешь.

– Ну, чего разлётся? – дядька спросил. – Давай уж вылезай, что ли.

Вылез я и ну таращиться на него. А как мне, бедняге-бродяге, не потаращиться на это диво? В канаве-то я не всё разглядел. А тут и шляпу приметил, какую стряпчие либо лекаря носят, и цепочку золотую на груди, а на цепочке большой камень зелёный. Изумруд, по всему видать.

Ну, вы уже, конечно, поняли, что то и был он самый, господин Алаглани. А я тогда лишь глаза потупил, рваньё своё озирая.

– Ну что, жив? – голос у него негромким оказался, но каким-то... плотным, что ли.

– Ага! – подтвердил я, не поднимая глаз.

– За что били? – тон его был скучным-скучным, и я сразу смекнул, что скука эта – деланная.

– На чужую землю зашёл милостыньку просить, – ответил я чистую правду.

– И давно землю топчешь милостыньки ради? – продолжил он допрос.

– Уж второй год как, – припустил я слезы в голос. – Как беда у меня стряслась, так вот и хожу Творца ради...

– Беда, говоришь, – хмыкнул он. – Ну, это дело обычное.

И тут он меня удивил. Взял двумя пальцами свой изумруд, поднёс к глазам – и сквозь него на меня поглядел. Будто прозрачен его камень.

– Господин, – подал голос парнишка, его спутник, – нам ещё для госпожи Киури-тмаа глазные капли готовить... и вообще дел по горло...

– погоди, Халти, – не глядя в его сторону, откликнулся мой спаситель, – тут, видишь, беда у человека.

– Ясно, – хмуро отозвался парень, которого, как выяснилось, Халти звать.

– Ну и вот, – усмехнулся господин и вновь повернулся ко мне. – Как твоё имя?

– Гилар, – без заминки откликнулся я.

– Лет тебе сколько?

– Пятнадцатый год весной пошёл, – ответил я опять же чистую правду.

– Второй год, значит, бродишь по дорогам Творца ради?

– Ага! – А что я ещё мог тут сказать? В подробности пускаться? Так сейчас не след, это после...

– И как, нравится жизнь бродяжья?

Я очень громко всхлипнул и помотал головой.

– В услуженье ко мне пойдёшь?

Так вот сразу и сказал. Как у нас в трактире говорили, «открутить быку хвост».

– А вы кто? – поднял я на спасителя своего глаза. Честно так посмотрел – мол, впервые вас, господин, вижу, а невесть с кем дел не имею.

– Это ж господин Алаглани, придурок! – вмешался Халти. – Наипервейший городской лекарь и аптекарь, почётный гражданин и кавалер ордена Высокой Руки!

Ага. Ну, откуда ж мне, бродяжке, вторую неделю всего в столице обретающемуся, такое знать? Но бродяжка я не совсем тупой, вежеству обучен, и потому склонился перед лекарем в поясном поклоне.

– Ну так как? – повторил он все тем же скучным тоном. – Пойдёшь?

Помолчал я слегка – мол, думаю, шевелю всеми своими мозгами.

– А пойду! А что делать-то надо?

– Да всякое... – улыбнулся господин Алаглани. – По дому там, по саду-огороду, а дальше посмотрим. Работать умеешь?

– Ага! – кивнул я. И снова ведь правду сказал! Уж наверняка не тяжелее, чем в трактире.

– Ну и ладно. Пока что поработаешь за еду и одежду, а дальше посмотрим, какую тебе плату положить. Годится?

Я молча кивнул. Ещё бы не годилось! Кто бы в моём, бродяжином, положении, кочевряжиться стал?

– Только смотри, чтоб не воровать и не лениться! У меня в доме порядок строгий, если что – шкуру спущу!

Ой, напугал! Моя-то шкура, как змеиная кожа – уж сколько мне её ни спускали, а всякий раз отрастала заново, и крепче прежней. Впрочем, откуда господину лекарю про то знать?

Я, понятное дело, только поклонился низко.

– Ну, пошли тогда!

И пошли мы. Я ещё подумал тогда, что хорошо, вещей у меня никаких. Потому что как бы я их понёс, коли руки заняты – штаны порванные поддерживать? И было мне на сердце радостно, поскольку знал я, что очень скоро и помоюсь, и пожру. Вот вы улыбаетесь, а жрать мне тогда до жути хотелось! Вы ж понимаете, что до того неделю мне пришлось поститься, и понимаете, что иначе-то и нельзя было.

Теперь про дом господина Алаглани. Конечно, вы и так знаете, как там всё выглядит снаружи, но я всё-таки расскажу подробнее. Прежде всего – и дом, и сад окружены глинобитным забором, и забор высокий, в полтора моих роста. Мало того – там вдоль и снаружи, и изнутри посажены кусты длинношипа. Колючие, плотные, если через такие продираться, то и одежду порвёшь, и сам до крови исцарапаешься. Правда, у длинношипа ягоды вкусные, но вызревают они только к осени. И сразу я задумался – а к чему такой забор непроходимый? Должно быть, воров опасается – по нему ж видно, человек богатый.

Ладно, теперь про дом. Дом большой, первый этаж из серого камня сложен, такой в южных пределах добывают, второй – из брёвен. И по форме необычный, вытянут вроде подковы. Крыша двускатная, крыта черепицей, каждый черепок своего цвета, а вместе получается красиво. Стены второго этажа не крашены, но брёвна просмолены, такие уж никогда не сгниют, сколько дождей ни лей. Парадный вход высокий, крыльцо со ступенями каменными, и ступенек этих восемь. Дверь мощная, из бурого дуба, окована стальными полосами, такую и бревном-то не скоро высадишь.

За домом разные постройки, только про них после, их я поначалу не особо и разглядел.

Вошли мы, значит – ну, то есть постучал Халти в ворота... а ворота, кстати, тоже под стать парадной двери – мощные, из толстых брёвен, да медными листами обитые. Изнутри лязгнуло – вынули засов.

Открыл слуга – мальчишка на вид меня слегка помладше. Одет как Халти – полотняная рубаха, полотняные штаны, только башмаков нет, босой. На вид не особо крепкий, в кости тонок, волосы посветлее моих, лицо загорелое, и руки тоже, глаза серые, уши чуть оттопырены, и левое ухо побольше правого самую малость. Поклонился он господину, а тот и говорит:

– Вот, Алай, новый слуга у нас. Звать Гиларом. Возьми его и устрой. Да смотри, – улыбнулся, – не обижай, он и так судьбой обиженный.

Вот честно скажу: трудно мне было не ухмыльнуться. Хотя, как посмотреть. Ведь лекарь-то не солгал!

Перво-наперво Алай отвёл меня в баню. Баня на заднем дворе располагалась, и натоплена была, точно ждали меня. Ну, понятное дело, не меня, а для кого-то растопили, да вот и сгодилось. Хорошая баня, просторная, и дым в трубу уходит, а не в дверь полуоткрытую, так что угару никакого. А в общем, ничего шибко интересного. Кусок скользкого серого мыла мне дали и мочалку. Смыл я с себя грязь и кровь, облился, как полагается, тремя водами, а как вышел в предбанник – там уже новая моя одежда лежала. Полотняная рубаха с широким разрезом у горла, полотняные штаны – и, главное, совсем мне впору, ничего подгонять не пришлось.

– Башмаки дадут, если в город выходить придётся, – пояснил случившийся тут Алай. – Только это не скоро. Новичков тут поначалу домашней работой загружают.

– А что, – спросил я, одевшись, – часто разве господин новых слуг нанимает?

– Ну, часто не часто, – поразмыслил Алай, – а бывает. Я тут полтора года, а при мне уже двоих взяли, Хайтару и Дамиля.

Я аж присвистнул от такого известия.

– А много ль всего у него людей?

– Да не так чтобы много, – разъяснил Алай. – Вот гляди, старшой над нами – Тангиль, ему ко дню Зимнего Солнца восемнадцать стукнет. Он ещё кроме того, что старшой, лошадьми занимается. У господина-то коней четверо – Ласточка, Прыткий, Искра, Уголь. Потом Халти – господин его своим учеником сделал, всякой лекарской науке наставляет. Затем Амихи с Гайяном, это братья, они у нас кухней заправляют. Хасинайи – та за свиньями ухаживает и за птицей всякой, стирает и чинит одежду. У нас тут и куры, и гуси, и утки. Птицы

её любят, а так – придурковатая она малость. Хайтару – тот на всякую чёрную работу надобен, Дамиль – он у господина в комнатном услужении, тихий парнишка. Я к огородному и садовому делу приставлен, а уж куда тебя господин определит, то ему виднее. Но сдаётся мне, что поначалу будешь Хайтару помогать.

– Слышь, Алай, – тут же спросил я, – а как тут со жратвой?

– Со жратвой тут отменно, – усмехнулся мой сопровождающий, – кормят сытно. Не разносолами господскими, ясное дело, но нам завидуют слуги из многих домов. Тебе раньше-то в услужении где быть приходилось?

– Да так, немножко, – кивнул я, вспомнив трактир.

– Ну вот, значит, понимаешь, что такое над каждой коркой трястись и как рёбра выпирают с голодухи, – наставительно сказал Алай. – А тут не так.

– Я неделю почти не жрамши, – снова поведал я правду, – нельзя ль чего пожевать, а?

Ну а что ещё мне надо было спрашивать? Что ещё может спросить бродяжка, взятый из милости в богатый дом?

–обеда дождись, – сухо возразил Алай. – Уже скоро. И смотри, не вздумай чего на кухне стащить.

– Выдерут? – понимающе спросил я.

– Не, – Алай ухмыльнулся, – господин на такую мелочь отвлекаться не станет. А вот старшой пинков надаёт, да и повара добавят, они здоровые, сильные.

Ну, тут всё как обычно.

– Слышь, – только сейчас решил я спросить, – я вот чего не пойму. Если господин новых слуг нанимает, то куда старых деваёт?

Внимательно я глядел на Алая, но не в упор, конечно. Так, осторожно скользнуть взглядом – и в сторонку, но главное, чтобы успеть зацепить.

– Ну... – протянул Алай, – той зимой, к примеру, прежнему старшому, Ханимари, восемнадцать исполнилось, и господин дал ему денег и письмо в Алагралаю, к своему аптекарю знакомому, чтобы тот, значит, взял его в подмастерья, коли Ханимари по аптекарской части пойти надумает. А нет – так найдёт себе применение. Голова на плечах есть, и плечи крепкие, и деньжата на первое время будут... А на будущую зиму Тангиль так же уйдёт, и Халти старшим станет. Но бывает и по-другому... Вот до тебя был у нас такой пацан, Хосси, так он недавно вздумал обокрасть господина, в кабинет его ночью залез...

Вот, значит, подумал я тогда, почему у аптекаря освободилось местечко... Повезло же мне, что никто не опередил. Хотя, братья, вы же понимаете, что такие везения должны быть тщательно подготовлены. Да, понимаю, понимаю! Не я один готовил, были и другие глаза да уши. А всё ж таки не полезь этот злосчастный Хосси куда не след – я бы долго ещё рядом ошивался, ища повод.

– И что? – спросил я с замирием, почти не притворяясь. – Наказали?

– Если бы! – скривился Алай. – Господин ему вообще слова не сказал, а только на другой день приехала телега, парой быков запряжённая, а на телеге – трое здоровых таких дядек, по виду вроде не селяне, а приказчики купецкие. Посадили Хосси на телегу, ноги ему верёвкой спутали, чтобы утечь не вздумал, и уехала телега за ворота. Вот. А ещё перед Дамилем был Асараби, его тоже увезли, только вот за что, неведомо. Такой тихий пацан был, зашуганный совсем, слова не проронит. А вот чем-то всё же не угодил.

Задумался я над словами Алая. И ведь не то удивительным было, что господин слуг меняет – такое во всяком богатом доме сплошь и рядом. Но две вещи мне чудными показались. Первая – это насчёт телеги. Ну, не угодил тебе слуга, так отлупи его, другим в назидание, да и вышвырни за ворота, и пусть бредёт куда хочет. Нет – телега какая-то, быки какие-то... Второе диво – это насчёт старших. Почему, как слуге восемнадцать стукнет, так выпроваживает его господин, и даже не выпроваживает, а судьбу ему устраивает – денег

даёт, письма рекомендательные? От первого дива веяло жутью какой-то необычной, а от второго – необычной милостью.

Но обо всём этом надлежало потом как следует размыслить, когда пообвыкнусь тут, пооботрюсь. Нам спешить некуда, наши жернова, как сами знаете, мелют медленно. Медленно – да верно.

– А что о работе скажешь? – задал я самый главный вопрос. – Тяжело ль приходится?

И вновь на минутку задумался Алай.

– Да как тебе сказать... Тут, конечно, не рудник и даже не мельница, спину не сорвёшь, но и без дела не сидят. Особенно летом да осенью, у господина аптекарский огород ведь большой, всякие целебные травы, и надо их правильно вырастить, правильно собрать, правильно высушить, а потом из них правильно снадобья изготовить. Силы особой тут не надо, а вот внимание да старание... это да.

Тут-то на меня просветление и снизошло. Появилась у меня догадка, почему взрослых слуг у господина нет. Ежели работа ни силы особой, ни ума не требует, то куда разумнее отроков нанять. Платить им не как взрослым, само собой, а то и вовсе не платить, а только кормить да одевать – а работа будет сделана не хуже. Что же до старания... так воспитывается старание. Уж мне ли не знать! И потому задал я следующий по главности вопрос.

– Дерут часто?

– Это нет, – ухмыльнулся Алай. – Только если кто очень уж постарается. Господин битья не жалует. Меня тут за полтора года ни разу не секли. Тут у нас не розги бояться, Гилар. У нас телеги бояться...

– Ага! – кивнул я с пониманием. Что ж, буду и я бояться телеги. Мне телега совершенно не нужна.

И тогда я задал третий главный вопрос. Хотя, может, и первый.

– А платят-то как?

Алай чутко замаялся.

– Ну... не сказать чтобы очень много... Первые полгода вообще не платят, только за харчи работаешь. А потом господин начинает платить, по первому году всего ничего, десять медных грошей в месяц, а со второго года больше, и чем дольше служишь, тем больше получаешь. Тангиль вот серебряный огрим в месяц имеет. Да и тех денег мы не видим, их господин на руки не выдаёт, а только запись ведёт, кому сколько должен. Как уходит слуга, так всё сразу и получает. Даже тем, кого на телеге увозят, и то мешочек полагается.

Да, прямо сказать – ниже среднего. Хотя это для взрослого слуги – ниже, а для моих сверстников и так неплохо. Я даже успокоился слегка. Слишком большая плата меня бы насторожила, а вот когда господин за полугрош держится – это дело самое что ни на есть обычное. Куда более странно, что заработанное не выдаётся на руки. А в город сходить, повеселиться, и всё такое? Похоже, не очень-то отсюда выпускают в город. И это само по себе интересно.

Лист 2.

Ну вот, подкрепившись, можно и продолжить, ибо сказано: голодное брюхо к отчёту глухо. И вовсе это не дерзость, а изложение самой что ни на есть сути вещей. Да, я понимаю пользу поста, но сказано ведь и так: всему своё время. А если чему-то бывает время, значит, этому же бывает и не время. Ладно, всё, перехожу к делу.

То есть, опять же, к жратве. Потому что пока меня Алай про здешние порядки просвещал, подоспело время обеда, и мы пошли на двор позади дома. Там длинный стол стоял, над ним навес, а вдоль – узкие скамейки. Судя по длине скамеек и размерам стола, господин Алаглани мог бы прокормить и вдвое больше слуг.

Ну, тут-то я всех и увидел. Не знаю, как лучше – сейчас описать внешность каждого, или по ходу дела? Ладно, по ходу так по ходу.

В общем, я увидел всех, все увидели меня, и прямо скажу – какого-то безумного интереса никто ко мне не проявил. Ну, новый слуга. Оно и понятно – если Хосси неделю уже как на телеге увезли, значит, кого-то нового господин найдёт, работы ведь меньше не стало.

На самом деле интерес ко мне был, и пришлось рассказать свою жалостливую историю купецкого сына, только не за обедом, а уже ночью, как спать улеглись. А за обедом на меня и не смотрели особо.

Кормили сытно: горячая похлёбка из овощей с разваренными бобами, и каша из гречи, с жиром и даже мясом. Не всякий землепашец так обедает, как у господина Алаглани слуги. Да, и здоровенный медный чан стоял с краником внизу, и каждый себе сколько хотел наливал горячего травяного отвара. Алай мне сказал, что травы целебные, всякую болезнь отгоняют. Ну, знамо дело, раз уж у лекаря-аптекаря в услужении, почему бы не воспользоваться?

На стол накрывали двое крепких, коренастых парней лет по пятнадцати – это и были повара здешние, братцы Амихи и Гайян. Они же со стола и убирали, и всё молча. Я как глянул на них, так сразу понял, что всяко надо с этими угрюмцами подружиться. Поскольку сами знаете: куда б ты ни попал, будь поближе к кухне.

После обеда старшой, Тангиль, велел мне вместе с Хайтару таскать воду. Там вдалеке, где уже двор кончается и огород начинается, колодезь был, а во дворе, возле дома – десять здоровенных глиняных бочек, каждая с меня ростом. Чтобы наполнить, надо на деревянные мостки встать. А внизу краник, повернёшь – и потечёт вода. По уму сработано.

Ну, воду таскать – дело нехитрое, хотя утомительное и скучное. Поэтому тут никаких подробностей излагать незачем – нет подробностей. А вот про Хайтару скажу. Моих примерно лет, на вид слегка пошире да покрепче, волосы тёмные, загар деревенский, глаза карие, на левом ухе – большой шрам, похоже, как от ожога. Говорить мы с ним ни о чём не говорили, парень, по всему видать, от природы молчаливый, а значит, не время ещё. Пусть попривыкнет. А работает хорошо, ничего не сказать. По дыханию слышно, как устал, но не ноет и не замедляется. Видна привычка к работе.

И сам я, наверное, в его глазах так же выглядел. Знать, крепко в меня трактир вьелся.

И так было до ужина. Потом ополоснулись мы водой из бочек и пошли к столу, под навес. Кормили той же гречей, ну и хлеба ещё было вволю.

А как поели мы – отправились в людскую. Это большая и светлая горница, на первом этаже. Угловая, так что два окна там – северное и восточное. Окна высокие, но при нужде и с улицы залезть можно. Застеклены дешёвым стеклом, через какое если поглядеть, то всё расплывается. Ну, по летнему жаркому времени они, конечно, были открыты.

Сама людская в длину локтей пятнадцать будет, в ширину – десять. А мебели в ней почти и нет – вдоль стен топчаны из досок, а на них тюфяки холщовые, сеном набитые. Показали мне и мой тюфяк, вблизи от двери.

– Ну, рассказывай, – велел старшой, Тангиль. – Что ты за человек, откуда взялся и как вышло, что господин тебя в услужение взял?

Но только я, усевшись на тюфяк, собрался им всё потребное о себе поведать, как прибежал Дамиль – это который лакей у господина, и велел мне к нему идти. Зовёт, мол.

Что ж, коли зовёт – не стоит медлить. Поплёлся я вслед за Дамилем, а заодно и многое в доме разглядел.

Во-первых, лестницу парадную, ведущую на второй этаж, где покои господские – и кабинет его, и спальня, и гостиная, и лаборатория, и ещё какие-то комнаты, о которых я позже узнал.

Но первое, что я там рассмотрел как следует – это кабинет. Постучался осторожно, получил дозволение войти – и согнулся в поклоне. Знай, мол, господин лекарь-аптекарь, что и мы в вежестве кое-чего понимаем.

Обернулся ко мне господин Алаглани и сказал:

– Ну что, Гилар, обустроили тебя? Тогда пора познакомиться. На дороге было не лучшее время и не лучшее место, а вот сейчас хочется мне в подробностях услышать твою историю.

А я не торопился тут же ему всё как есть выложить. Сперва решил глаза на кабинет потаращить. В самом деле, разве мне – бродяжке, да и мне – сыну купецкому, доводилось такое видеть?

Кабинет был почти квадратный. Как уж потом я померил, в длину десять локтей, в ширину – восемь. Да-да, неизвестный мне почтенный брат, я не свои локти подразумеваю, а обычные, то есть королевские. Мои-то до королевских малость не дотягивают.

Пол дощатый, но покрыт пышным ариналакским ковром. На ковре – тигр с драконом борются, тигр жёлтый, дракон красный. Вдоль стен – шкафы стоят. Некоторые закрыты, а некоторые – с книгами. Высокие шкафы, аж до потолка. А потолок тоже высокий, может, от полу до него два моих роста будет. И люстра висит медная, в форме колеса, свечей, если прикинуть, на сотню. Это ж какая морока зажигать и тушить... Поневоле лакея господского, Дамиля, пожалеешь.

Окно в кабинете всего одно, но огромное и сверху закруглённое. Выходит на закат. Рамы двойные, и медная решётка с внутренней стороны. Сквозь узорчатые прутья разве что голубь пролезет, или ворона, а вот кошка – уже нет. Но о кошках-котах – после.

Стол господина Алаглани перед окном стоит, так что свет сзади падает. Сам стол здоровенный, из красного дерева, ножки гнутые, резные, вроде как львиные лапы. Завален стол книгами да свитками, письменный прибор серебряный стоит – чернильница в виде цветка раскрывшегося, подставка для перьев, песочница рядом и печатка. Сразу видать образованного человека.

Вблизи стола кресло резное, чёрное. Наверное, для посетителей. А у дальней стены, ковром завешенной, диван, синим бархатом обшитый. И ещё дверка там виднеется – похоже, чуланчик, потому что, как прикинул я, с той стороны окон быть не должно.

Драгоценностей особых в кабинете я не заметил. Ну, ковры, ну, мебель дорогая, ну, чернильница. А чтобы золото да самоцветы – не наблюдается. Впрочем, какой дурак станет на виду их держать? Не похож господин Алаглани на дурака.

Сам он, то есть господин Алаглани, одет на сей раз был не столь нарядно, как утром, когда из лап уличной босоты меня вызволил. Халат из чёрного бархата с серебряными нитями, на среднем пальце левой руки – перстенёк, оправка вроде как серебряная, а камешек не разглядел – мелкий и тусклый. А вот той золотой цепочки с изумрудом на его шее не обнаружилось. Видать, решил я, только в город надевает, для вящей пышности.

А теперь о самом интересном. Самое интересное – это кот. Здоровенный такой котяра! Сидел он сзади стола, на широком подоконнике, и подсвечивало закатное солнце его рыжую

шерсть. На лапах шерсть в белизну уходила, вроде как перчатки, да и на морде толстой белые пятна были. А так весь тёмно-рыжий, ему бы ещё полоски – и точно тигр получится, или хотя бы пятна – тогда за леопарда сойдёт. Да, братья, видал я и тигров, и леопардов. Не стану врать – не живём, а на картинках в книгах, что мне брат Аланар давал.

Глаза у кота светло-зелёные, с уклоном в желтизну. И светятся. Вообще вид у него был важный и строгий, вроде как не господин Алаглани, а он тут самый главный. Ну, с котами такое бывает.

Словом, оглядел я кабинет, точно заморскую диковину, набрал воздуха побольше и и стал на вопрос господина Алаглани отвечать.

– Долгая это история, господин мой! Из купецкого сословия я, и папаша мой, досточтимый Гуарази, скобяную лавку держал в Тмаа-Урлагайе. Это, коли не слышали, на востоке, близ Большого Жёлтого хребта. Городок не то чтобы совсем уж мелкий, но куда нам до столицы... Сам-то папаша родом из селян, да выбился в люди, в юные годы подался в город, сумел в лавку устроиться... сперва на побегушках, потом приказчиком... а там уж поднакопил денег и свою лавочку открыл. Скобяной товар – он ведь хоть и не даёт такую скорую прибыль, как, скажем, запустынные шелка или южные пряности, а всё же доход постоянный, ибо людям завсегда нужны и гвозди, и топоры, и пилы, и подковы, и замки, и всякая такая прочая утварь. Тем более что городок-то растёт, ибо поблизости восточный тракт, купцы в Запустынье ездят. Вот... Так что как у папаши торговля наладилась, он и женился на матушке моей, досточтимой Сиитайи. Была она дочерью старшины ткацкого цеха, и долго её отец, а мой, стало быть, дед, досточтимый Миахири, сомневался, достойная ли ей пара мой папаша. Но всё же дал согласие, и через год уже я родился, а после меня сестрёнка моя, Тааламайи, потом двое братишек-близняшек, Хадиру и Мисухари.

Я перевёл дыхание, губы облизнул. Надо ж языку чуток роздыха дать. Даже у меня язык и то не железный.

– Пока я слышу историю вполне счастливой жизни, – заметил из-за стола господин Алаглани. – Что же дальше приключилось?

– А дальше, господин мой, приключилась беда. И не одна, потому что в народе верно говорят: одна беда за собой семь горчайших тягает. Поначалу папаша мой решил, что расширять надо дело, что на одних топорах да пилах доход плоховато растёт. И решил вложиться в запустынные шелка, благо что торговые караваны как раз через нашу Тмаа-Урлагайю ходят. Свёл знакомство с одним купцом, и чуть ли не все накопления свои тому дал, на закупку, стало быть, тех шелков. А с другим договорился, что оптом продаст. И всё бы так получилось, кабы не разбойники. Ограбили они тот караван, подчистую всё выгребли и всех порезали. Папашин знакомый один лишь и спасся, притащился в город чуть не голышом, ободраный, голова разбитая. Это, значит, первая беда. А вторая пострашнее вышла – пожар. Полгода спустя после того, как наши денежки гикнулись. Причём сразу загорелись и дом, и лавка. Сестричка моя Тааламайи померла, в дыму задохнулась. Остальные спаслись, да всё начисто выгорело. И подозревал папаша, что не вдруг пожар приключился, а происки то купца Гидарайхи, который в городе всю торговлю под себя подмять вздумал и уже не раз папаше предлагал продать лавку. Ну подозревать-то подозревал, а как докажешь? Да коли и докажешь – что толку? Гидарайхи и с судьёй дружен, и с начальником городской стражи... Так что оказались мы на улице, голые да босые.

Я вновь замолчал и уставился на босые свои ноги. Такие истории нельзя на одном дыхании рассказывать. Уж больно жалостливые они, а стало быть, надо дать место печали.

– Я так полагаю, вторая беда не оказалась последней? – поинтересовался господин Алаглани, и если крылась в сердце его жалость, то очень уж глубоко пряталась. Потому что голос был спокоен и деловит. Таким голосом, небось, он у больных спрашивает: «Ну, где болит? Обнажайтесь, почтеннейший, показывайте ваш чирей».

– Верно полагаете, господин мой, – склонил я голову. – Совсем уж без еды и без крыши над головой мы не остались, приютил нас дедушка Миахири, но дать папаше заём на новый дом и новую лавку отказался. Недолюбливал он папашу, и так решил: кормить я вас из милости буду, но за то, зятёк, будешь ткацким делом заниматься, под моей рукой. То есть из вольного купца пришлось папаше в простые работники опуститься. Но это ещё не третья беда, а так, предбедье. Третья беда позже приключилась, когда пришло время подать платить в державную казну. При Новом-то Порядке подать даже поболее, чем раньше. И ведь берут как с купца, а не как с работника! По бумагам-то выходило, что папаша всё ещё купец и торговля у него обширная. Бумаги-то, сами, небось, знаете, раз в пять лет обновляются. Ну, кинулся папаша туда, кинулся сюда – так всё оставшееся наше серебро только на подарки чиновникам и ушло, но как вода в песок, без толку то есть. За папашей в казну долг огромный, а чем платить? Имущества более никакого, дедушка Миахири сказал, что нет у него таких денег... А по закону, сами знаете, если нечем должнику платить, то забирают и его, и всю его семью на вечные работы. Раньше-то в рабство продавали, и это ещё серединка на половинку выходило – кому достанешься, как судьба повернётся. А при Новом Порядке один только расклад – на рудники. Хоть и не надевают там рабского ошейника и не выжигают клейма, а чем лучше ножные кандалы? Так что повязали всех нас – и папашу с матушкой, и меня, и братишек, и под стражей повезли на юг, там казенные медные рудники.

Я снова замолчал и на ковёр уставился, задумавшись глубоко. Над чем я думал, спрашиваете? А над тем, кто кого соборет: дракон тигра или наоборот?

– Ну, раз ты стоишь тут, а не катишь тачку в руднике, значит, история твоя имела продолжение? – поднял левую бровь господин Алаглани. Как ему удалось одной лишь бровью шевелить, представления не имею. Сам бы хотел так научиться.

– Верно, господин мой, – тяжело вздохнул я. – Потому что тут четвёртая беда приключилась, самая лютая. Сбежал я по дороге. Очень уж в рудник не хотелось, а стерегли нас не так чтобы шибко. Нас же таких много на рудник повезли. Целый караван из должников получился, а охраны – всего десятков стражников, и те больше к жбанам с пивом тянулись, чем к арбалетам. Я, дурак, тогда ещё не понимал, почему. Короче, изловчился верёвку перетереть – и как наш караван в поле ночевать остановился, тихонечко утёк. Со своими даже прощаться не стал, подумал, что слёзы будут, и всё дело накроется. А так – пусть всё тихонечко выйдет. В общем, сбёг, неделю по лесам шатался. Лето ж было, грибы-ягоды, кое-как протянуть можно. А после решил в ближайший город податься и наняться в работники куда-нибудь. Я ж работать умею, дома у нас слуг не было... Вот... Притащился я, значит, в городишко Тмаа-Тигайдо, в трёх днях конного пути к югу он от нашей Тмаа-Урлагайи. А там уж услышал, что случилось в караване после того, как сбёг я. Оказалось, закон такой есть, что коли семья обречена в вечную работу и один кто из семьи сбежит, то остальных казнить полагается. В назидание остальным. Чтобы, значит, не разбегались. Потому-то и стражников всего-ничего на такую ораву было.

Я вновь замолчал и глаза мои набухли слезами. Ну, некоторые из вас понимают – было что мне вспомнить печального.

– И что ж далее случилось? – полюбопытствовал господин Алаглани.

– Так что узнал я: казнили из-за меня их всех – и матушку, и папашу, и братишков... Удавили петлёй. Из-за меня...

И тут я разревелся. Самое время было. Да, если совсем уж честно, несложно было разреветься, уж больно история жалостливая.

– Ну а дальше, – продолжил я, – новых бед уж не было, потому что какая новая беда может такую перешибить? Год с лишним брожу по земле. Где милостыньку дадут, где побатрачить удаётся. Живу как-то, а порой думается, зачем? Кабы не запретил Творец человеку

себя жизни лишать, так бы давно уж удавился. Пусто всё, господин мой. Как засну, так они перед глазами...

И вновь я добавил слезы. Дело-то нехитрое.

– Что ж, Гилар, – пожевав губами, сухо произнёс господин Алаглани, – значит, такова судьба твоя: вину свою в себе носить и наказание в себе самом получать. Понял я, что с тобой приключилось. Утешать не стану, ибо не моё это дело, но скажу, что жизнь твоя долгой будет, и часть вины своей искупишь, коли другим от тебя выйдет польза. Смотри же, работай старательно, не ленись, не воруй, не дерзи – и будешь сыт да цел. Как дорастёшь до взрослых лет – дам денег на первое обзаведение и письмо рекомендательное к кому-нибудь из моих знакомых лекарей или аптекарей. Станешь сперва подмастерьем, а там, коли будет воля Творца, и сам посвящение получишь, людей целить станешь, так вот и будет польза. Понял?

Я молча поклонился.

– Ну а коли начнёшь дурить, не обессудь! Порядок у меня в доме строгий, придётся наказывать. А уж коли наказание в ум не приведёт, избавлюсь от слуги нерадивого. Понял?

И вновь я поклонился. Чего уж тут не понять, Алай всё чётко про телегу изложил.

– Ну, ступай! – велел он. – Более ты мне здесь не надобен.

Отвесил я третий поклон и отправился в людскую. Там мне всё то же самое пришлось ребятам поведать, и даже с большими подробностями. Можно сказать, повезло мне, что сперва господину излагал – языку моему бескостному вроде как упражнение вышло.

Лист 3.

Ну, теперь, когда рассказал я про первый свой день в доме господина Алаглани, можно уже так подробно всё не описывать, а поговорить про то, что я там спустя несколько дней увидел и понял.

Но начну, если вы не против, с описания обитателей дома. Ясное дело, о некоторых я уже сказал, и придётся повторяться, уж не взыщите.

Итак, прежде всего, сам господин Алаглани. Как вы и без того знаете, он – главный столичный аптекарь, поставщик лекарственных снадобий в Дом Высокого Собрания, а также он лекарь – пускай и без титула главного столичного, но лекарь известный, уважаемый, и потому от посетителей ему отбоя нет. То есть к некоторым, особо знатым или богатым, он сам ходит – как в тот день, когда подобрал меня в канаве. Мне потом Халти рассказал, что возвращались они от жены большого человека, ростовщика Гиургизи, члена Городского Собрания. По больным, впрочем, ходит он не так уж часто и всегда только до обеда. После обеда – и опять же, не каждый день, а только три раза в неделю – у него приём, до ужина. Приходят посетители, их Дамиль встречает и провожает к господину.

Завтракает, обедает и ужинает господин Алаглани у себя в покоях. Когда в кабинете, а когда в гостиной. И что ещё достойно интереса – подают ему ту же еду, что и нам. Никаких богатых разносолов – кроме, разве что, вина, хотя и вина пьёт немного. Еду ему с кухни приносит Дамиль, и раз уж я упомянул его, то сразу о нём и расскажу – понятное дело, расскажу пока только то, что в первые же дни увидел.

Дамилю в те дни только-только тринадцать лет стукнуло, а господин где-то подобрал его несколькими месяцами раньше. Алай рассказывал, что когда тот в доме появился, его, так же, как и меня, ребята стали расспрашивать – но он ничего не ответил, а сразу начал реветь. Ну, отстали от него.

По виду он даже на свои годы не тянет – очень худой, низенький, загар к нему не пристаёт. Волосы русые, глаза серые, лицо узкое, малость треугольное.

Дамиль почти не говорит ни с кем – если спросить, либо отмалчивается, либо, если что по делу, отвечает односложно. Всё время он о чём-то думает. Впрочем, не так уж часто я его и видел – поскольку он у господина лакей, то вечно в господских покоях обретается. И ночует чаще всего там же. Помните, я про дверку в кабинете господина Алаглани рассказывал? Вот за той дверкой и впрямь чуланчик тёмный, маленький совсем, четыре локтя в ширину, шесть в глубину. В том чуланчике тюфяк, такой же, как и у нас в людской – вот и жилище лакейское. Если ночью господину чего потребно – воды там, или горшок подать – то лакей под рукой. Иногда только говорит ему господин, что ночью не надобен, тогда он с нами в людской спит.

В первые же дни понял я, что непростая эта задачка – подступиться к Дамилю. С зимы он тут, а ни с кем покуда не сошёлся. О чём он думает, часами сидя в ожидании господских распоряжений?

Но о Дамиле позже ещё будет сказано, а пока давайте вернёмся к нашему лекарю-аптекарю. Я уже говорил, что до ужина тот или над книгами в кабинете своём сидит, или принимает посетителей, или уходит в лабораторию.

А лаборатория – это большая горница на втором этаже, куда я, конечно, не попал. И никто, между прочим, не попадал из ребят, кроме Халти. Тот ведь не слуга уже, а ученик, едва ли не подмастерье.

Пару слов о Халти. Внешность его я вам уже описывал – хотя вы и без того знаете, а кроме внешности добавлю вот что: лет ему шестнадцать в те дни стукнуло, и в доме господина Алаглани он уже четвёртый год жил. Судьба его чем-то с моей судьбой купецкого сына сходна, только попроще: он из вольных хлебопашцев, отец его вроде неплохо поднялся,

работников держал, да пять лет назад засуха приключилась в западных землях державы, так что разорилось семейство, и отец собрался его графу Калимай-тмаа в крепостные продать, чтобы хоть чем-то младшеньких было кормить. Ну а Халти про то подслушал и дожидаться не стал – сбёг. Тоже по дорогам скитался, к ворам пристал. Господин его на рыночной площади в Тмаа-Гасареди выцепил, когда тот в карман к нему залез. Не стал сдавать стражникам, а взял с собой. Поначалу Халти как все был – полы мыть, огород полоть, сбегать туда, принести это... Но потом заметил господин его интерес к лекарственным травам и начал разьяснять. А дальше больше – так постепенно стал Халти лекарскую науку перенимать.

Понятно, что не в первые же дни я все эти подробности вызнал – постепенно сложилось. Словечко услышишь там, невзначай поинтересуешься здесь... Халти ведь не такой скрытный, как Дамиль. Но зато сразу видно – ревнивый. Бойся, что господин ещё кого-то из нас, слуг, учеником сделает, и перестанет тогда Халти быть *единственным* учеником. Понимаете, беда какая? Потому-то он каждого новичка с подозрением встречает.

Теперь про нашего старшого, Тангиля. Это здоровый крепкий парень, совсем взрослый на вид. Загорелый, тёмный, глаза чёрные, рожа скуластая. Очень сильный, может на вытянутых руках бричку господскую поднять. Сам я, правда, не видел, но ребята рассказывали. Строгий он, и на подзатыльники щедрый, хотя и не злой. Просто очень не любит ленивых. И гордится, что из всех нынешних слуг господина Алаглани он самый первый, семь лет уже в доме. Ни особого ума, ни особых каких способностей я в нём не разглядел, но и не сказать, чтобы тупой. Обычный. К делам порученным относится ревностно, а дел у него два: во-первых, старшой он, а во-вторых, при конюшне. Правда, тут уж как поглядеть, что первым счесть, что вторым. Очень уж лошадей он любит и понимает. Когда господин куда выезжает в бричке своей, Тангиль за кучера. В конюшне у него чистота, порядок. А обязанности его как старшого – это нас, у кого постоянного дела нет, по работам распределить, за старанием надзирать и после господину доложить, что да как делается в хозяйстве.

Про Хайтару я уже говорил, добавить особо нечего. Из деревенских, судьба печальная – о ней как-нибудь после, к работе сызмальства приучен и умом неглубок.

А вот про братьев-поваров расскажу подробнее. Это Амихи и Гайян. Им тогда шестнадцатый год шёл. Ростом они не шибко вышли, зато плотные, в кости широкие, коренастые. Волосы тёмные, глаза чёрно-синие, носы толстые. Очень похожи, но есть разница: у Гайяна на правой щеке жуткий такой шрам белеет. Потом уж узнал я, что ножом его где-то порезали.

Братья в доме господина Алаглани четвёртый год живут, почти сразу их к кухне приставили, и правильно – есть у них к этому делу способность. Они и в город за припасами ходят (господин им лично деньги выделяет и сдачу пересчитывает), и еду готовят, и на кухне убираются. Ребята вообще-то не злые и не вредные, но очень уж мрачные и молчаливые. Если и разговаривают, то друг с другом только, а более никто им не нужен. Пока на этом я о братьях закончу, а потом и до них дело дойдёт, ибо с ними многое будет связано. Теперь же расскажу об Алае – тем более, что подружился мы.

Впрочем, подружился мы не прямо на следующий день, а гораздо позже. Я вообще решил не торопиться с такими делами. Так вот, он меня младше на полгода, в доме он с позапрошлой осени, занимается аптекарским огородом – обычным-то все занимаются, кому Тангиль назначит. Алай же не только целебные травы выращивает, но и собирает их, и сушит под наблюдением Халти, а то и самого господина Алаглани. Там на заднем дворе есть большой такой сарай, в сарае этом как раз травы и сушатся и там же хранятся. Полезный сарай. Но сейчас я не про сарай, а про Алая.

Характер у него оказался приветливый, спокойный, и посмеяться Алай может, но не так, чтобы обидно. По нему заметно, что службой у господина Алаглани очень доволен, из чего я сразу понял, что за душой у него тоже какая-то грустная история. Но хотя Алай не прочь поболтать, о своём прошлом он поначалу совсем не рассказывал. Ну, понятное дело,

я и не допытывался. Согласитесь, странно было бы – появился у господина лекаря новый слуга и сразу всем в душу лезет, про всё выпрашивает. То, что я про себя в первый же день всё рассказал, вовсе не значит, что и остальные мне тем же обязаны. Вполне бы мог и не рассказывать, никто бы мне за молчание тумачков не отвесил. Вот молчал же Дамиль. А тем более Хасинайи.

Теперь про Хасинайи. Так вышло, что в доме это единственная особа женского полу. Лет ей около четырнадцати – точно никто не знает. Ночевала она в отдельной каморке, тоже на первом этаже, но в противоположном крыле. Занималась стиркой и одежду починая. Не думайте, что ей работы мало доставалось – во-первых, рвалось на ребятах всё, а во-вторых, все ж растут, даже Тангиль, так что подгонять то и дело приходилось. Вы, наверное, думаете, что я сейчас начну её девичью красоту описывать? А вот ничего подобного! Красоты и в помине не было. Высокая, лицо в конопушках и на лошадиную морду смахивает, глаза глубоко посажены, волосы в пучок забраны, и серые они какие-то, невзрачные. Загар к ней не приставал, но и не было той бледности, которой так гордятся девушки благородных кровей.

Вообще Хасинайи была странной. Ребята её слегка помешанной считали. Не то чтобы совсем дурочкой – но согласитесь, если девка ни с того ни с сего начинает дико ржать или рыдать, или в случайно проходящего мимо может вцепиться и руку прокусить до крови... разве это не странности? Вообще-то чтобы бросалась и кусала – это редко случалась, она всё больше нас шугалась. Нет, ничего подобного! Слова понимала, говорила связно, иногда пела, чаще под вечер, после ужина. Песни простые все, деревенские. Одежка? Ну, как деревенская девчонка из небогатой семьи одевается, так и она. Я так и не знаю, сама ли она себя обшивала или покупали ей. Да, ещё одна странность за ней числилась – боялась она к воротам подходить и к забору. Вообще лишний раз на улицу старалась носа не казать.

Меня Тангиль ещё на второй день отвёл в сторонку и сказал:

– Ты, Гилар, это... В общем, уж коли ты новичок у нас, то надо тебе знать: Хасинайи обижать никак нельзя!

– Да ты чего? – решил я обиду выказать. – Да разве ж я чего?

– Вот чтобы и впредь не было ничего, затем и говорю. Ты пацан уже не совсем мелкий, и хочется тебе того же, чего и всем нам хочется. Только с Хасинайи – никак нельзя. Даже рукой не касайся, и языком тем более.

– Языком – это в каком же смысле? – хихикнул я.

– В любом! Короче, смотри, я предупредил. Тут уже были такие до тебя... до бабьего тела прыткие. Кого поучить пришлось, – и он показал свой кулак, таким кулаком свай забивать, – а кому наука впрок не пошла, тех здесь уже и нет. Понял? Вот был тут до Алая парень один, Араганаль, полез как-то ночью в её комнатку. Увезли его, короче. Понял?

Чего уж тут не понять? Увезли. На телеге.

Потом уже, осенью, узнал я, что живёт она в доме господина Алаглани год, и судьба её куда злее, чем у многих из нас. Да, почтенный брат неизвестного мне имени, я прекрасно знаю, что «судьба» – языческое слово, а надобно говорить «Высшая Воля». Но если вы будете меня через каждые два слова дёргать, то кому от этого будет лучше?

Да, понятный вопрос. Не тянуло меня к ней. Врать не стану, были у меня всякие недолжные мечтания и сны, но не про неё. Уж больно страшненькая. Да, ещё я заметил – не сразу, а где-то уже через месяц – что если господин Алаглани что-нибудь прилюдно Хасинайи говорит, то обращается крайне вежливо, будто не со служанкой, а с высокородной госпожой. С нами-то он попроще, но тоже, заметьте – без грубостей. Ни разу я не слышал от него «бестолочь», «тварь подлая», «дерьмо собачье» и прочих слов, коими господа со слугами нередко изъясняются. Может, от того это, что при всём своём положении господин Алаглани – всё-таки не дворянин, и потому нет в нём высокородной спеси?

Вот какие люди были в доме господина Алаглани. Про каждого из них я потом расскажу подробнее, а то, что сейчас поведал – поведал затем, чтобы мой дальнейший отчёт стал понятнее.

Лист 4.

За пару недель я тут вполне освоился. Дом тоже изучил, тем более что несколько раз Тангиль назначал мне полы мыть. А это прекрасная возможность каждый уголок облазить – ну, понятное дело, кроме тех, где заперто. Так что в лабораторию я не попал, зато и в кабинете господском мыл, и в спальне. Впрочем, ничего интересного и полезного там не обнаружилось. Зато я нашёл в задних комнатах второго этажа лесенку, ведущую на чердак. Там, правда, люк был, на замочек запертый, но совсем простенький замочек... А на чердаке нашлось и интересное, и полезное.

Интересное – это что кое-где не было пыли. Ну, сами посудите – часто ли в доме лазают на чердак? Значит, пыль должна толстым слоем лежать. Но может, скажете, хозяин дома так чистюлюбив, что и на чердаке убираться велит? В таком случае всё бы там было чисто, и нигде пыли не было бы. А тут – только кое-где. Значит, кто-то сюда время от времени забирается, и этот кто-то постарался очистить себе путь – чтобы не запачкаться пылью и паутиной.

Что за путь? Ну, разумеется, проследил! Чердак – это огромное пустое пространство, никаких перегородок там нет, только стропила крыши и поперечные балки. Так вот, обнаружил я две довольно чистые дорожки. И прикинул, куда они ведут. Одна – к месту над лабораторией, вторая – к месту над кабинетом господина. Спрашивается, зачем?

А ответ очень прост. Там, в кабинете, на той стене, что занята книжными шкафами, есть над потолком несколько отверстий – воздух жаркий отводить, окно-то редко открывается. Так вот, ведут эти отверстия через перекрытия потолка прямо туда, на чердак. И вот тут интересное соединяется с полезным. Потому что звуки из кабинета слышны на чердаке так, как если бы я там, в кабинете, и находился. Недолго я там сидел – а и то услышал, как господин Алаглани распекает Дамиля, что тот какие-то не те чернила залил в чернильницу и всё время путает что ни попадя, теряет и забывает. А Дамиль в ответ ныл только: «Простите, господин мой! Исправлюсь я!».

Чем уж там у них приятная беседа закончилась, я слушать не стал, быстренько спустился и замочек за собой по-старому защёлкнул. Взял таз, взял тряпку, начал мыть лестницу. А мысли в голове ворочаются, одна другой занятнее.

Что же это получается? Значит, кто-то в доме время от времени на чердак наведывается, подслушивает господина? Какие тут возникают вопросы? Правильно! Кто и зачем. Но «зачем» важнее. Сами посудите, кому может быть интересен главный столичный аптекарь господин Алаглани? Хороший врач, обеспеченный человек... Самая первая мысль – про тех, кому у нас в державе всё интересно. То есть про Тайный Пригляд. Уж какие тут у приглядских могут быть расклады, сами прикиньте. Лекарь наш пользуется всяких знатных особ – и высокородных, и членов Высокого Собрания, и Городского, хоть оно весом и пожиже... Ну как за таким не приглядеть? Вдруг отравить кого задумает? Или кто ему предложит что-нибудь такое...

Но не только о Пригляде я подумал. А что если ночные? Тут тоже самые разные возможности открываются. Во-первых, ограбить. Сдаётся мне, что господин Алаглани богат. И домище такой огромный, и земли сколько. Опять же, лечит разных знатных особ, и не задаром ведь? Если на шее он носит золотую цепочку со здоровенным изумрудом, то сколько всего может быть в сундуках? Только вот где те сундуки? О том не худо и разнюхать. И тут же вспомнилось, что Алай говорил о моём предшественнике, Хосси, который ночью в господский кабинет прокрался. Уж не Хосси ли тропинки эти проложил? Увезли его на телеге за неделю до моего появления в доме, ещё неделю с хвостиком я тут пробыл... не так уж

много времени, очищенные им дорожки не успели запылиться вровень с остальным пространством чердака.

Между прочим, ночных не только золото интересовать может. Ещё и яды. Может, господин наш Алаглани, кроме снадобий, мастрячит и чего поострее? А хороший яд – хорошая дорожка к чужому золотишку. Ну, сами понимаете – зачем резать горло какому-нибудь ростовщику? Стража, сыск, шум... А вот если по-тихому с дальним родственничком договориться, а и самого ростовщика, и жену, и детишек правильным ядом извести... таким ядом, чтобы не сразу... чтобы хирели да чахли, вроде как от обычной хвори... и тогда седьмая вода на киселе входит в права наследования, и все при своих интересах... ну, седьмая эта вода может ведь и не сообразить, что станет следующей жертвой, ибо много знает... Помните, в прошлом году ровно такая же история была с ростовщиком в Тмаа-Гаалай? Там злодеи добыли яд у сельской колдуньи, но лекарь-аптекарь по этой части может быть ничем не хуже бабки-знахарки.

А ещё я подумал, что не только яд может быть интересен, и не только ночным. Что, если наш господин Алаглани сотворил некое чудодейственное лекарство и пользуется им, к примеру, богатых старух, которые хотят омолодиться? Это ж какие деньжищи! Другим лекарям тоже хочется... Но, подумав, я в этой догадке засомневался. Допустим, есть завидущий лекарь. Но откуда у завидущего лекаря такие возможности – нюхача подослать? Вы ж понимаете, какая подготовка нужна! Кого лекарь подошлёт? Ученика своего? Так ведь лопнет ученик тут же. Господин наш Алаглани вроде не дурак, и если есть у него секрет какой, то должен охранять.

Впрочем, те, кого увозили на телеге – может, они и были такими нюхачами-неучами?

А потом я задал себе тот же вопрос, что и вы, почтенный брат Сианарху. С чего это я взял, что речь идёт о делах прошлых и нюхача более в доме нет? Может, на телеге совсем других увозили, а в доме и сейчас кто-то шуршит? Один из тех, с кем я рядом. Может, умный и весёлый Алай, а может, простой, как башмак, Хайтару. Может, безумная девка Хасинайи, а может, наш старшой Тангиль... Любого можно взять под подозрение.

Но коли так, то дело становится куда сложнее. Хотя, не скрою, и занятнее.

Спрашиваете, не обнаружил ли я ещё каких странностей в тамошней жизни? Тут мне сложновато будет ответить, потому что, как вы знаете, есть твёрдо установленные вещи, а есть догадки и прикидки. Очищенные от пыли тропинки на чердаке – это твёрдо установленное. А вот если хотите догадок... Едва лишь я пообвыкся в доме, как у меня стали возникать некоторые вопросы.

Например – а не многовато ли у господина лекаря слуг? Если по-хозяйственному взглянуть – и троих хватило бы. Кучер, садовник, ну и по всякой домашней работе. Убирать, стирать, готовить. Обычная экономка. Да, жалованье экономки, конечно, выше, чем у какой-нибудь Хасинайи, которая неизвестно ещё, получает ли хоть грош или просто за харчи трудится – но господин Алаглани не бедняк и на экономке бы не разорился. Да и на скупца он не похож. Слугам платит немного, но скупцы – они же во всём скупцы, а не только в этом. Помните скупца из Тмаа-Ахори? Тот каждый камешек, на дороге найденный, к себе в дом волок – авось пригодится. Нет, будь господин Алаглани скуп – он первым бы делом на кормёжке сэкономил. А если подсчитать, сколько кормёжка наша стоит по средним базарным ценам, и сравнить с другими домами, то очень даже неплохо здешним слугам живётся. К тому же он, отпуская от себя слугу, денег даёт... нет, экономка бы уж всяко обошлась дешевле.

Так вот, если убедили вас мои доводы – то как объяснить, зачем столько слуг? Для важности? Но какая важность, если, во-первых, господин Алаглани не высокороден, а во-вторых, сейчас всё-таки не Старый Порядок. Ну что, сойдёт за странность? Вот-вот! Стран-

ность-то она странность, но не такая, как на чердаке. Тут всё равно одни лишь догадки да расклады. Вдруг я чего не знаю, а объяснение на самом деле проще некуда?

Вторая странность – ещё туманнее. В том смысле, что, может, на странность и не тянет. Вот смотрите – в доме девять слуг. Все – очень разные. И по возрасту, и по уму, и по характеру. Казалось бы, должно быть, как в любом доме, где много обслуги. То есть – друг другу пакости всякие творить, языками друг о друге чесать, господину наушничать, драться, младших да слабых гонять. А тут ничего подобного! Не то чтобы здешние сильно меж собой дружны – но уж точно не жбан с пауками. Старшой, правда, затрещины и пинки отвешивает, но всегда за дело. Так ведь и старшой он, на то и власть ему дана. А чтобы между собой – не было такого. Хотя видно, что братцев-поваров недолюбливают, Хасинайи побаиваются, над таким увальнем, как Хайтару, в любом другом месте непременно бы издевались. В чём же дело? Думаете, это господин Алаглани за нравами следит? Ничего подобного! Как между собой слуги живут, он вовсе даже не интересуется. Тангиль ему о делах, конечно, докладывает, но о каких делах? Что остались непрополотыми грядки сельдерея – скажет, а что Дамиль ночью плакал – нет. Мелочь, не стоящая внимания господского.

А вот моего внимания всё-таки стоит. Потому что здесь, как убедился я, такое нередко бывает – и не только с самым из нас младшим, Дамилем. Слышал я, как и Алай, даже не проснувшись, слезами исходил, и как Хайтару в огороде плакал, когда полагал, что никого рядом нет, и даже мрачные братцы-повара во сне слезу пускали. С чего бы? Понятно, когда слуга после наказания плачет, ну, или ожидая наказания. А тут иное дело какое-то. Не знаю, как объяснить... Воспоминания какие-то тяжёлые, говорите? Между прочим, вы правы. Но и тут не всё так просто, как вам кажется. Вот и ещё одна странность, которая не относится к твёрдо установленным вещам.

А из твёрдо установленных – вот, пожалуйста. Довольно часто господин Алаглани после ужина зовёт в свой кабинет кого-то из слуг. Приходит в людскую Дамиль, тянет, допустим, за рукав Хайтару и говорит: «К господину!». Вздыхает Хайтару и плетётся вслед за Дамилем в господские покои. И по спине его видно, насколько ему это приглашение не нравится. Возвращается через полчаса, а иногда и через час. Ни слова ни говоря, на тьюфяк заваливается. А среди ночи может слезу пустить. Не всегда это бывает, не каждый день. И никогда не было, чтобы лекарь наш подряд одного и того же вызвал.

Пытался я осторожноенько расспрашивать, что это и зачем, но толку никакого от вопросов не вышло. Или вообще мне не отвечали, или, как вот Алай, говорили: «Да ничего такого. Позовут когда – сам и узнаешь».

Очень мне это интересно показалось. И – не стану скрывать – страшновато. Что такое происходит в кабинете господина Алаглани, о чём никто говорить не хочет и после чего плачут? Догадки в голову приходили самые разные, от некоторых и жуть брала. И напрягал я мозги – если оно и впрямь, как мне мыслится, сам-то я себя как поведу? Понимал, что хочешь не хочешь, а придётся сдержаться, ибо есть такое слово «надо». Нужда превыше чести. И гадал – а хватит ли мне на то силы? Молил Творца, чтобы хватило, потому что иначе зачем вообще всё дело было начинать?

А когда это, наконец, случилось – в смысле, когда позвали меня к господину, все мои страхи да расклады скукожились, как весенний снег, когда солнце припекать начинает.

Лист 5.

Это случилось спустя три недели, как я в доме господина Алаглани появился. День, помню, выдался дождливый, натянуло ещё накануне облаков, отгремела ночью гроза. Что дожди пошли – это, конечно, меня порадовало, потому что меньше придётся поливать. До того ведь такая сушь стояла, что всем нам – и даже Дамилю, приходилось после ужина, как жара ослабнет, в огород вёдра таскать. Колодезь уже был близок к истощению. Но помиловал Творец, нагнал серые, обильные влагой тучи. И потому на душе у меня было светло. Теперь после ужина поливы отменились, можно было сидеть в людской и, пока совсем не стемнеет, играть в камешки.

Знаете, наверное, такую игру? Нет, почтенный брат, это не азартная игра и не подпадает под уложение Восьмых Врат. Значит, так, объясняю: играют четверо, у каждого по десять камней, пять чёрных, пять белых. Камни располагаются наискосок. Ходить чёрным камнем можно вперёд-назад, а белым – вправо-влево, но только на один палец. Чужие камни можно снимать, коли твой в него первым упрётся. Побеждает, кто больше своих камней доведёт до дальней черты. Первым ходит тот, кто с северной стороны сидит... В камешки у нас лучше всех Алай играет, и Халти тоже, а я старался больше проигрывать. На что играли, может, спросите? Иногда на шелбаны, а иногда и просто так – особенно, когда Алай с Халти были среди четвёрки игроков.

Ладно, я понял – это к делу не относится, про камешки больше не буду. В общем, сидели мы, играли, я для разнообразия совсем уж победить собрался – и тут приходит в людскую Дамиль и меня к господину кличет.

Ну, подумал я, началось! А куда деваться – встал и пошёл. Поднялся вслед за Дамилем по лестнице, тот постучался в кабинет: мол, тут он, Гилар, явился не запыхавшись.

Сидел господин Алаглани, как и в первый день, за столом, а вот кот его – не на подоконнике, а в кресле для посетителей. Когда вошёл я с поклоном, поднял он, то есть кот, голову и внимательно так на меня посмотрел. Точно на мышь дохлую: то ли самому жрать, то ли хозяину принести.

А вот что новое обнаружилось в кабинете – это два зеркала в медной оправе и на медных же подставках. На столе они стояли, на разных его концах. Зеркала немного странные – поверхность чуть вогнута, и оттого отражение кажется вытянутым и сплюсненным с боков. Форма зеркал, спрашиваете? Овальные оба, в высоту примерно три королевские длани, в ширину – две.

В кабинете светло – хоть и затянуто небо облаками, но не закатилось ещё солнце и сквозь облака мутно просвечивает, вроде как желток яичный. Ну, и свечи в люстре зажжены. Господин Алаглани за столом сидит, смотрит на меня и краем губ улыбается. А я стою у двери дурак дураком.

– Ну что, Гилар, – спрашивает он, – как тебе служится?

– Хорошо, господин мой, – отвечаю.

– Это хорошо, что хорошо, – отвечает он и встаёт из-за стола. На нём всё тот же расширенный серебром халат, но на шее – та цепочка с изумрудом, что я в первый день у него видел.

Подошёл он к гостевому креслу, взял на руки кота – и мне рукой показывает: садись, мол.

А я что, я сел. Странно это, конечно, что господин слугу точно знатного посетителя принимает, но это ведь не первая странность в аптекарском доме. Большое кресло, двое таких, как я, поместятся.

А когда сел, то заметил, что зеркала на столе как раз в мою сторону смотрят. А между зеркалами, на краю стола – подсвечник, и три свечи горят. Уж непонятно зачем, и без них светло.

Ну вот представьте эту сцену – сижу я в кресле, спина как деревянная, правой рукой пальцы левой тискаю, а господин Алаглани стоит рядом с котом на руках, молчит и внимательно на меня смотрит. Потом говорит:

– А скажи-ка мне, Гилар, не болит ли у тебя по ночам голова?

Удивился я и ответил:

– Не болит, господин! Она у меня вообще никогда не болит... ну, если, конечно, по ней не стукнуть.

– А не болит ли сердце? Не просыпаешься ли по ночам от его биения?

– Я вообще по ночам не просыпаюсь, господин мой, – отвечаю я удивлённо. – Ну, разве что по нужде сходить.

– Видишь ли, Гилар, – отвечает господин Алаглан, – не все хвори, что у человека заводятся, ему самому заметны. Но поскольку я лекарь и поскольку ты у меня в услужении, то мой долг перед Творцом – за твоим здоровьем надзирать. А потому придётся мне проверить, всё ли в теле твоём в порядке и не грызёт ли недуг твою душу...

Ага! Если сейчас раздеваться велит, значит, верно то, чего я боялся. Хотя... может, и в самом деле дальше лекарского осмотра не пойдёт?

Но раздеваться он не велел. Зато велел на свечи смотреть – на те, которые на подсвечнике. Вернее, видел-то я аж девять свечей – из-за зеркал. И что ещё занятно – сами-то свечи обычные, сальные, огонёк жёлто-рыжий, как лисий хвост, а в зеркалах они почему-то зелёными отражались.

Ну, смотрю я на эти огоньки, а господин, по-прежнему кота с рук не спуская, за моей спиной встал. И молчит. Станный какой-то лекарский осмотр, не находите?

Потом вдруг заговорил он.

– Что душу твою грызёт, Гилар? Что ночами ранит и днём давит? Что ты хочешь забыть, да не можешь? Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!

И голос не такой, как всегда – на тон ниже, и тяжёлый. Такой голос, точно молоток, тут всякий себя гвоздём почует.

Но я, конечно, стал отвечать, коли спрашивает:

– Да всё грызёт! И пожар, и как повязали нас и на рудники повезли... Но пуще всего тот день проклятый, когда узнал я...

Задышал я часто-часто, и видно, наверное, по мне стало, что вот ещё миг – и зареву.

– Смотри на свечи, Гилар, – ответил мне господин. – Смотри на свечи!

А голова, между прочим, кружится, когда долго так смотришь. И глаза тяжестью наливаются, а в ушах начинает звенеть. Тонко-тонко, вроде как маленький голодный комарик. Перед глазами огоньки расплываются, уж и не поймёшь, сколько их всего и какого они цвета. Потому что не стоят они на месте, а пляшут, круги водят, и кажется мне, что это не огоньки близкие, а совсем даже далёкие звезды, и вокруг черным-черно, как в тёмном чулане. И не понять уже, где тут верх, а где низ, где право, а где лево. Какая-то огромная холодная пустота передо мной распахнулась, и затягивает меня туда, как водоворот случайную щепку.

А потом вроде развиднелось перед глазами, пришёл я малость в себя, и где же оказался? Знакомая какая комнатка! Маленькая, четыре локтя на шесть, бревенчатые стены, под потолком пучки сухих трав свисают, в окошко малюсенькое луна Гибар светит, и пол вроде как серебром залит. Хотя на самом деле понимаю я, что обычный дощатый пол, и даже не очень чистый. Но пол ладно – запах-то, запах! Какой тут тяжёлый дух стоит! Это от лежанки, откуда смотрит на меня, десятилетнего, матушка моя, Хаамайи.

Всего каких-то два месяца прошло – а высохла она, почернела. Губы сизые, точно ежевичных ягод поела, но не от ежевики такой цвет, а от серой немощи. И под глазами желтизна, скулы остро выпирают, а волосы стали серыми и ломкими. И голос такой же, подстать волосам.

– Ну, как у тебя день прошёл, Гилар? – спрашивает. Медленно слова из сизых опухших губ выползают, и каждое слово точно горячая капля воска – обжигают до слёз.

– Хорошо, матушка, – отвечаю, присаживаясь рядом и дотрагиваясь до шерстяного одеяла. – С ребятами на ручье играл, запруду ставили, навроде как у бобров. И ещё бегали наперегонки в ближнем перелесье, я обогнал Миухири и Тайилая, а меня Гирхаль обогнал...

Легко вылетают слова из моих губ, недаром же как только говорить научился, так и сказали про меня: язык без костей. И знал бы кто, как от каждого этого слова тошно! Знала бы матушка, чем на самом деле день мой был занят! Может, и хорошо, что ослабили её глаза, и в лунном свете не может она различить синяки на лице моём и на руках, по локоть голых. Не то непременно бы спросила...

Да она и так спросила:

– Не обижает тебя дядя Химарай?

И снова напрягаю я свой бескостный язык и чувствую, будто в нём, в языке, целый скелет вырос:

– Что ты, матушка! Он добрый, он меня учит, как блюда всякие посетителям готовить, как деньги считать!

Ага, учит! Конечно, учит. Новая картинка вылепилась из лунного воздуха: красное дядюшкино лицо, маленькие, словно рачьи, глазки, скрипучий голос:

– Я тебя, поганца, научу, как считать гроши!

Лицо его становится огромным, пышет от него жаром раскалённой докрасна печи, а плеть в его руке кажется клубком змей. Я лежу вниз лицом на широкой лавке, но всё равно почему-то вижу и ухмылку толстых губ, и отвислые щёки, и как ременные тонкие хвосты, злобно свистя, впиваются в голое тело. Боль пронизывает меня всего – от макушки до пяток, но боль от наказания плетью – вовсе не самое страшное. Дядюшка Химарай способен и на большее.

А ведь всего три месяца назад было не так. Была весна, распускались белые первоцветы в саду, и жив был мой батюшка, и бегал я с мальчишками запруду строить.

А потом тот день... повозка, запряжённая парой быков, и кто-то назойливо стучит в наши ворота, работники вынимают засов, и повозка неспешно вкатывается на двор, скрипят колёса по каменно-твёрдой, утопанной земле, я выбегаю из дома, шмыгнув сопливым носом – малость простыл накануне, но как же не выбежать, когда привезли что-то интересное... и тут я вижу, что привезли, и воздух в моей груди становится горячим, словно пар над кипящим котлом...

От похорон остались только картинки обрывочные. Тёмно-бурые, почти чёрные комья земли, пронзительный запах сырости... и дождевой червяк, розовой загогулиной устроившийся на одном из комьев. Тело, завернутое в белый холст – словно мешок муки, глубокая яма, похожая на шрам – и белое медленно опускается в чёрное... Мамины пальцы стискивают мне плечи, а седенький брат Галааналь что-то нараспев читает... но я не разбираю слов, они сливаются в серую пыль, и кажется мне, что я лежу и смотрю в хмурое, набрякшее скорым дождём небо, а пыль эта ложится на меня, и с каждым мигмом становится её всё больше и больше, и давит она на сердце, страшно давит, не даёт сделать вдох.

И снова красное, потное лицо дядюшки, младшего отцова брата. Слова вылетают из чёрной щели его рта как раздражённые осы. Нахлебник, захребетник, дармоед, свиное дерьмо, спиногрыз, оглоед, неблагодарная тварь, вонючий крысёныш... и после каждого слова – хлёсткий удар плетью. Эту плеть – с длинной бурой рукоятью, с пятью тонкими

хвостами с узелками на концах – я ненавижу ещё сильнее, чем дядюшку Химарая. Мне она почему-то кажется живой. И не просто живой, а обладающей разумом и волей. Но это чёрный разум и чёрная воля. А дядюшка что... дядюшка – раб плети.

Сколько раз я мечтал, что в трактир наш – а по сути, уже не наш – ворвутся разбойники из предгорий Хагарабы, схватят потного, извивающегося дядюшку – и медленно отрежут ему голову. Но потом они напьются и обязательно подожгут трактир... и сумею ли я вытащить из задних комнат матушку? Хоть и скосила её серая немощь, но всё равно она ещё очень тяжёлая... а я ещё очень слабый, у меня болит перебитое и плохо сросшееся ребро, у меня болят пальцы на правой руке – спасибо дядюшкиному сапогу. Нет, лучше уж без разбойников. Лучше пусть бык взбесится и на рога дядюшку подымет, или Изначальный Творец молнией влепит... но если молнией, то лучше бы подальше от трактира, неровен час полыхнёт тут всё.

А началось всё со скорбных улыбок, сочувственных речей... «помогу уж на первых порах... по-родственному... Таалгаль же брат мне родной, меня, мальчика, кашей кормил и гузно подтирал».

В лунном свете матушкино лицо расплывается, глаза мои всё никак не могут поймать её взгляд. Верит ли она моим словам? С каждым днём становится всё хуже, память покидает её – и я этим пользуюсь, мне не приходится всё время придумывать что-то новое, каждый день я рассказываю про запруды и про бег наперегонки. Верит ли она? Наши пальцы встречаются, и я чувствую поселившийся в её теле жар. Никакие смоченные холодной водой повязки на лоб не дают облегчения. Лекаря бы... Но дядюшка Химарай на лекаря скупится, называет матушкину болезнь «лёгким недомоганием, вызванным горестными событиями прошлого» и надеется на «скорейшее выздоровление естественным путём, буде на то всеблагая воля Изначального Творца». Впрочем, последние пару недель он уже и этого не говорит – просто более не заходит проведать матушку. И мне запрещает это делать днём. Днём – то есть с рассвета до того часа, когда засыпают, уронив головы на стол, припозднившиеся посетители – я кручусь без всякого роздыха. Мыть и таскать, таскать и мыть... и найдётся ли в трактире хоть один посетитель, который догадался бы, что грязный оборванный мальчишка, ползающий с мокрой тряпкой по полу – не раб и даже не наёмный слуга, а законный наследник всего заведения?

Лунный свет медленно уплывает вправо, матушкино лицо уходит в тень, и я внезапно понимаю, что вот так же в вечную тень вскоре уйдёт и она сама. И ничего невозможно сделать, ничего! Холод прокатывается по спине, дерёт острыми крысиными коготками, и хочется кричать, но воздух замирает в лёгких, потому что нельзя тревожить матушкин сон – во сне ей куда легче, во сне нет никакой серой немощи, и жив батюшка, и кружатся они с ним в танце по изумрудному лугу, а под ногами у них распускаются белые и фиолетовые первоцветы... а мне боль раздирает грудь, потому что я-то знаю: этого уже никогда не будет, никогда!

И всё-таки не удаётся мне сдержать крик, разрывает он мои рёбра и выплёскивается крутым кипятком во внешнее пространство – отражается от книжных шкафов, достигает забранного фигурной решёткой окна, впитывается в ковёр, где дракон всё никак не может справиться с тигром.

Я снова был в гостевом кресле, только за окном уже сгустились мутные, грязно-синие сумерки, и три свечи на столе господина Алаглани почти догорели. В зеркалах было темно, а на спине у меня выступил пот и, должно быть, намочил рубаху. Отчего-то чувал я холод, хотя в доме стояла теплынь – один дождливый день не в силах изгнать накопившуюся за месяц жару.

Господин Алаглани нагнулся надо мной, щупал пульс на левой руке. Кот его уселся прямо на стол, поверх горки каких-то свитков, и топорщил шерсть – такой весь из себя рыжий колобок. Но глядел сурово, и в зелёных его глазах отражались свечи с люстры.

– Задремал ты, Гилар, – скучным голосом объяснил мне господин Алаглани. – Прямо во время осмотра и задремал. И с чего бы? Времени на сон я слугам не жалею. Бегаешь, что ли, куда ночью?

– Не, господин, – покрутил я отяжелевшей головой. – Никуда я не бегаю. Сморило просто.

– Бывает, – коротко кивнул он. – Ну что ж, ступай. Со здоровьем всё у тебя в порядке, на тебе пахать можно. – И помолчав, добавил: – Но не нужно.

Встал я с кресла, поклонился, как положено, и побрёл себе в людскую. Там ребята уже спать укладывались – стало слишком темно, чтобы в камешки играть, белого камня от чёрного не отличить. А жечь свечи господин нам в людской запретил – Тангиль говорил, пожара боится.

Молча вошёл я, молча разделся и молча лёг на свой тюфяк у двери. Свернулся калачиком и задышал, будто сплю. Не хотелось мне в тот час ни с кем говорить, да и голова всё ещё кружилась, и не было в ней никаких мыслей. Только стучалось о стенки черепа эхо того моего крика.

Кто-то подсел ко мне, за плечо тронул. Хоть и темно уже было, а признал я Алая.

– Ну что? – одними губами прошептал он. – Познал, как это бывает?

– Угу! – ответил я мрачно и лицом в тюфяк зарылся. Ни к чему слёзы показывать, пускай и не видно их во тьме.

Лист 6.

Теперь о том, как я себе лазейку в город устроил. Тут вот что сказать надо: не то чтобы нам, слугам, явно запрещалось в город ходить, но как-то само собой понималось, что нет никаких причин там появляться, кроме как по делу. То есть по поручению. Письма по адресам разнести, или господина сопроводить – вот как Халти его сопровождает по лекарским делам. Ну, или припасы покупать. А другой надобности нет. Просто сбечь? А когда, спрошу я вас? Работа каждый день, с утра до вечера ты на виду. Как отлучиться, чтобы неприятностей избежать? Тоже вот, кстати, заметьте, ещё одна странность. Во всех домах у слуг выходные дни имеются, обычно в недельный день, а тут – ничего такого и в заводе. Семь дней в неделе, и все дни – рабочие. Свободное время только после ужина, да и то, как уже говорил я вам, если жара и сушь, то поливать приходилось.

И вот ещё что: никто по этому поводу особо и не роптал. Как-то свыклись, что не про нашу честь город с его базарами, ярмарками, смеющимися девчонками. Вроде и было на что потратить скудное наше жалованье – то есть можно было попросить господина выдать грош-другой на руки, под запись, а ребятам как-то в голову, что ли, это не приходило. Копили денежку – на будущую взрослую жизнь. Если хотите, можете считать это очередной странностью, но мне кажется, всё проще – господин наш лекарь себе не абы каких слуг подобрал, а таких, кому служба эта – спасение, кого отсюда ярмарочным калачом не сманишь. Временами казалось мне, что некоторые – Хайтару, Дамиль, и, само собой, безумица Хасинайи – попросту боялись выходить за ворота. Потом уж я сведал, почему.

Да, простите, что раньше про то не сказал: в храм никто в положенный седьмой день на службу не ходил. Не то чтобы запрещал господин Алаглани, но просто и разговоров про то не было. При Новом-то Порядке перестало это быть обязательным. А Колесо Спасения в доме висело, да. И в кабинете господском, и над парадной дверью. И перед трапезой мы благодарение читали – то есть Тангиль, как старшой, читал, а мы молчали. Молились ли слуги? Некоторые, по-моему, да. Уж точно Алай, и Хайтару, и старшой тоже порой круг ладонью обводил и тихо-тихо молитву малого испрошения произносил. Но вообще-то особых разговоров о вере не было. Знаете, всё-таки не зря говорят: Новый Порядок людям многое про себя открыл. Кому вера – вера, те остались, а кому только привычка... так на всякую привычку найдётся отвычка.

Молод, говорите, такие суждения иметь? А всё остальное делать – не молод? Ну вот то-то же. И, между прочим, ничего в моих суждениях нет такого, о чём бы в Посланиях не говорилось. И вообще это не сам я придумал, а от брата Аланара слышал. А уж в дому господина Алаглани лишний раз убедился, что так оно и есть.

Но к делу. То есть к тому, как я лазейку наружу проторил. Один только видел я способ – через поваров. И скажу: нелегко это было. Пришлось за братьями Амихи с Гайяном долго наблюдать. То воды на кухню притащить, то передать чего-то, то вызовусь помочь им котлы да миски к столу принести.

Ребята они, как уже сказал я, не шибко приветливые, но мало-помалу ко мне привыкли. Увидели, что не ради лишнего куска я услужить готов, и перестали дичиться. Так и вышло, что разношал я их маленькую тайну.

Оказалось, зажиливают они всё-таки денежку. Господин им на покупки деньги выдаёт и строгого отчёта требует. Знает, где они всё покупают, у какого лавочника и какие у того цены. Всё до гроша сходиться должно.

Но и они хитрюги! Покупают всего по чуть-чуть меньше, чем полагается. Это-то господин не проверяет, покупки не перевешивает. Тем более, на глаз ничего и не заметно. Ежели

пуд гречневой крупы закупишь, то где там увидеть, что фунта недостаёт? А поскольку на кормёжку господин не скупится, то и в наших мисках недостачи не видать.

Я об этом как догадался? Подглядел, как они пряники медовые грызут. Откуда у нас пряники? Нас таким не кормят! Ясно, с базара. А на какие, спрашивается, шиши? Как завидел я, что пока один к господину идёт по деньгам отчитываться, второй быстро купленное в подпол тащит и тут же за готовку принимается, так и понял. Ежели бы и взбрела господину такая мысль – глянуть, а что же накупили – так оно уже в работе, не перевесишь.

Короче, и мы на кормёжку не жалуемся, и господин видит, что сдачу ровно дают, и эти при наваре. Навар-то невелик, я прикинул, вряд ли больше пяти медяков в день выходит, да и не каждый ведь день они на базар таскаются. Однако деньги – такая штука, которой всегда не хватает. Поэтому и придумал, как к ним подклеиться.

Сперва момент улучил, после обеда, когда все по работам разошлись. Меня полоть горох поставили, и в таком месте, что рядом никого. Если отлучиться ненадолго, то и не заметят. Вот и шмыгнул я – вроде как в отхожее место. Для верности даже туда зашёл, дела малые сотворил, и тихонько так на кухню. Мол, Тангиль послал узнать, не надо ль подсобить чем. Сперва я, конечно, подождал чуток, в щёлку подглядывая. И как эти за пряники взялись, я и вхожу. Говорю – послали узнать, не нужно ль чем помочь. И тут делаю вид, будто только-только вкусность приметил.

Нет, что вы! Конечно, не стал ни о чём спрашивать. Просто глазами так повёл и жалостливым тоном кусочек попросил. Мол, ну, не поскупились, ребята, я сладостей больше года не ел, аж, почитай, с того пожару...

Ну и сами подумайте! Встаньте на их место! Вот прогонят они меня – а я обижусь и растреплю всем, что они втихаря пряники жрут. А уж откуда пряники, господин бы враз догадался. Но Амихи с Гайяном – ребятишки неглупые. Потому угостили они меня, и получилось так, будто я этим пряником с ними повязан. Если всплывёт, то меня с ними же и накажут – и не донёс, и тоже лакомился купленным на несправедные доходы. Так вот они и решили, будто обхитрили меня. А я, конечно, обхитрился. И с того раза иногда заходил к ним на прянички. Получилась у меня с ними общая маленькая тайна.

А как появилась у меня с поварами общая тайна, так и стал я у них исподволь интересоваться, откуда такое счастье? Ну и разговорил их. Они как решили – если не сказать правду, вдруг я подумаю, что пряники на базаре покрадены? А если меня так и так о пряниках расколют, то за кражу наказание всем сильнее будет, чем за умную экономию.

Ну ладно, поехали дальше. Как ребята мне про свои проделки поведали, так стал я у них подробно про всё допытываться. Где именно что покупают, по какой цене, сколько сберегают, насколько хорош товар. А когда выслушал, то и сказал: можно ведь проще и лучше всё делать! Господин же проверять не будет, где именно вы покупаете. Он знает, что в такой-то лавке. Ну иногда вы там и покупайте, и лавочник, если что, подтвердит, что бываете вы у него. Но чаще ходите не к нему, а на базар в Нижний Город – там, если умеешь торговаться, то же самое можно куда дешевле взять. Не пять медяков в день займете, а все восемь, а то и девять. Слушайте, говорю, меня, я ж купецкий сын, у меня жилка торговая, я сызмальства таким штукам обучен.

В общем, поманил я их огромными деньжищами, на которые и пряников сколь хочешь можно купить, и сберечь себе на будущее. Вот дополнительные три медяка в день... ну, пускай не каждый день на базар ходить... ну, пускай триста дней в году. Это ж в год девятьсот медяков! То есть девять полновесных серебряных огривов! Через три года господин вас отпустит, на каждого получится примерно четырнадцать огривов! На такие деньги можно корову купить, или пять овец! Думаете, господин сильно больше вам на обзаведение даст? И кстати, ребята, это ж я вам только дополнительный доход посчитал, а то, что уже имеете, и не

трогал. Пряники – это, конечно, дело, но всё прожирать не след. Денежка – она сбережение любит.

Одна только получалась закавыка – они ж, Амихи с Гайяном, базара в Нижнем Городе не знают, торговаться тоже не особо умеют, понять, у кого дешёвый товар стоит брать, а у кого себе дороже выйдет – тоже они без навыка. А глазки-то уже разгорелись, уже прикинули оба, как четырнадцать огримов тратить станут...

Тут-то я им и предложил. Мол, а давайте к прежнему лавочнику вы будете ходить, а на базар в Нижний – я. У меня-то всё получится, это ж моё родовое призвание. Но не просто за так, конечно. Малую долю хочу – один медяк. То есть так оно и выйдет – им двоим три медяка сверх обычного, а мне один. Многого не требую, потому как они главные, без них, закупщиков наших, мои мысли умные так мыслями бы и оставались.

А дальше следовало решить, как само дело обстряпать. Чтобы всем понятно было, что я в полном праве за покупками идти. Не лазить же тайно через забор... раз сойдёт, два сойдёт, а на третьем разе и засыплешься. Да и кто за меня мой урок исполнять стал бы? И решил я вот как сделать. Кому-то из них приболеть стоит, и тогда оставшемуся помощник потребуется, одному ж всё не дотащить с базара. Вот пусть и попросят, чтобы меня. Потому что я и сильный, на меня навьючить как на осла можно, и по кухне уже маленько помогал, примелькался, словом. И постоянной работы у меня пока нет, от которой человека отрывать не следует. Так что Тангиля попросить за меня – и порядок. Сперва один раз, потом другой, а дальше уж все и привыкнут, что я за продуктами хожу.

Осталось понять, как бы приболеть кого из них. Просто соврать не выйдет, господин ведь наш – лекарь высшей пробы, уж здорового от больного отличит. А вот если не врать... вернее, в самом деле болезнь сотворить... лёгкую, конечно, неопасную. Животную боль, к примеру. С поносом да рвотой. Неприятно, само собой, но уж потерпеть разок-другой ради общего блага можно. А устроить животную боль несложно. Взять в сарае, где травы сушатся, рвотной травы, заварить и выпить. Её, травы, там много, никто и не заметит. А чтоб совсем уж верно, чтобы господин запах её не учуял – как пронесёт по первому разу, так побольше того душистого отвара нахлебаться, который мы тут пьём каждый день. Он ведь пахучий, всё лишнее отобьёт.

В общем, уговорил я ребят. Не сразу – думали они пару дней, совещались. Но я же правильно в них разглядел жадность. Это как огонёк малый, тлеет-тлеет – а после ка-ак полыхнёт! Да, почтенные братья, понимаю, что дело сотворил нечестивое, дело под стать врагу рода человеческого. Но ведь сами знаете, для чего. Сами знаете: нужда превыше чести.

И вот на третий день оно и случилось. Гайян рвотного отвара напился, из отхожего места не вылезает, стонет, бледный весь. Тангиль пошёл господину Алаглани доложить. Тот не побрезговал, явился в людскую – а дело как раз после завтрака было, присел возле Гайяна, пощупал ему пульс, осмотрел язык, заглянул под веки, кольцо золотое на ниточку подвесил и покачал возле левого его локтя. Отравление, сказал. Бывает, сказал. Ничего страшного, сказал. Велел ему дать капель зверь-травы и каждые два часа поить отваром ежелистника.

Так и сделали, а Амихи к Тангилю – отравление отравлением, а на рынок за припасами идти надо. Помощник нужен. Тангиль меня и отпустил. А что ему не пускать? Поведения я вроде благодетельного и смиренного, в доме уже полтора месяца, и никаких фортелей от меня ждать не приходится.

Так мы с Амихи и оказались за воротами. А там посовещались и решили, что порознь пойдём. Он – в лавку обычную, чтоб лавочник потом не удивлялся, куда постоянные покупатели делись, а я – на базар в Нижний. Условились, кто что и сколько покупает, поделили деньги господские. Договорились, когда и где встречаемся, чтобы к воротам уже вместе подойти. Ну и разбежались в разные стороны.

Вы, конечно, уже поняли, куда я первым делом направился. Да, осмотрелся тщательно, и при входе, и при выходе. Взял что оставлено, записку краткую написал, поскольку там и бумагу предусмотрели, и грифель. А уже оттуда – на базар в Нижний Город. Времени не шибко много было, потому я долго там не торговался, купил не сильно дешевле, чем у лавочника вышло бы. Но это теперь уж ничего не значило.

Встретились мы где положено с Амихи, показал я ему припас купленный – хороший припас, не гниль какая. Нарочно ведь лучшее брал. И сдачу отдал, и два медяка. Сказал, что кабы всё там покупали, то было бы их, медяков, четыре. А пока два. Но я свою долю пока не требую – она пойдёт, только когда четыре медяка получится выгадывать. Пока мне бы только пряничка...

В общем, как по маслу всё пошло. Гайян как медяки увидел, сразу на поправку пошёл. А Амихи Тангилю про меня в лучшем виде всё расписал – как хорошо помог. И что вообще неплохо бы меня всегда с ним или с Гайяном за покупками отправлять, а второй бы в то время на кухне прибирался. Тогда бы и с обедами задержек не случилось...

Так вот и добился я, что в город можно законно попадать. Не шибко часто, но уж раз в неделю точно выходило. Появилась, значит, у нас связь. Ну, что в той записке я написал, все вы знаете. Что жив, здоров, работаю и всегда готов, и что мне для дела потребно, а как появится что твёрдо установленное – тотчас дам знать.

Лист 7.

Теперь, подкрепившись и отдохнув, продолжаю свой отчёт. Мне кажется, незачем подробно расписывать всё то, что летом было, потому что ничего, по сути, и не было. События только с осени пошли, а всё лето потратил я на то, чтобы спокойно к аптекарскому дому присмотреться, к обитателям его, и самого себя тут поставить так, чтобы доверяли мне. Так что сейчас поведаю я новое – для вас, конечно, новое – не о господине Алаглани и его делах, а о слугах, которых так наскоро я описал. Не всё, разумеется, удалось мне разнюхать за лето – кое-что важное узнал я уже осенью и зимой, а кое-что и совсем недавно.

Начну со старшего нашего, Тангиля. Это, как, наверное, уже говорил я, здоровенный парень, чуть ли не на локоть меня выше, и в плечах крут. Волосы чёрные, лицо загорелое, руки все в тугих узлах мышц. У меня такие если и будут, то очень не скоро – о чём я как-то при нём вслух продумался. Тангиль вообще, как выяснилось, на лесть падок. Не скажу, чтобы особенно был он умён, но и не так прост, как Хайтару. Как вы, должно быть, помните, он в доме господина Алаглани лошадьми ведаёт. Вот на лошадях-то мы и сошлись. Я ведь тоже кое-что по сей части понимаю – и в трактире малость поднатаскался, и тем более потом уж. Не скажу, будто совсем уж за конюха могу, но с умом разговор поддержать – это запросто.

Зашёл я как-то на конюшню за час перед ужином – доложить Тангилю, что мы с Хайтару бочки уже наполнили, и не надо ли ещё чем пособить. А он как раз Прыткому гриву вычёсывал. Ну, слово за слово, похвалил я и стать лошадиную, и умение Тангилево с ними, с конями то есть, обходиться, и порядок тутошний конюшенный. Сравнил с соседом нашим в Тмаа-Урлагайе, который пятерых коней держал, да только такой срач на конюшне развёл, что издали подойдешь – и то в нос шибает.

В общем, весь этот оставшийся час мы с Тангилем проговорили. То есть, конечно, он говорил, а я только поддакивал малость и в нужных местах восхищался да простецкие вопросы задавал. И вот что удалось мне разнюхать.

Тангиль – из крепостных людей графа Югарайли-тмаа. Это юг Державы, в Лаугайе, у побережья. Жил граф не в городе, а в загородном своём поместье, а Тангиль на дворе был, на побегушках. Тому уж более семи лет случилось, как раз через год после низложения короля и установления Нового Порядка. Правда, столичные новости не очень-то до провинции докатывались, да и ничего, по сути, там не изменилось. Граф был в опале королевской, так что Высокого Собрания ему опасаться не стоило, и присягнул он Новому Порядку одним из первых. Потому земли у него не отобрали, а значит, и люди все при нём остались.

Другая беда в тот год графа беспокоила. Жена его, молодая Ксиукайли, тяжело занемогла. Сам-то граф стар уже был, пятый десяток пошёл, а красавице Ксиукайли и двадцати не стукнуло. Но начала она чахнуть и сохнуть, мучили её боли в животе, и сколько ни привозил граф лекарей городских да знахарей сельских – никто помочь не мог. Граф и без того был человеком крутого нрава, а тут и вовсе обезумел, и немало его людей тогда пострадало, под горячую руку попав.

Но вот как-то осенним вечером, когда уже чуть ли не вся листва облетела, приехал новый лекарь, которого рекомендовал графу один из прежних, не справившихся. Приехал он чуть ли не на простой мужицкой телеге, и был при нём только мальчишка-слуга. Вы уж, верно, догадались, что речь о нём, о господине нашем Алаглани. Так вот, он-то как раз молодую графиню и поднял на ноги. Как уж целил её, про то никому из дворовых неведомо было, но болезнь отступила.

Неделю он над ней бился и к концу той недели хворь изгнал. Только вот вышла незадача – когда уже пришло время лекарю уезжать, выяснилось, что пропал его мальчишка. Куда-то делся – то ли сбежал, то ли по дурости в лес погулять ушёл. А это же Юг, там леса не

то что вокруг столицы – там и змей ядовитых полно, и тигры водятся, и чёрные росوماхи. Порвут как нечего делать, даже костей не останется. Конечно, граф отрядил людей искать пропавшего пацана, да без толку – тот как сквозь землю провалился.

Ну, граф, недолго думая, решил лекарю-спасителю потерю возместить. Кроме щедрой платы, само собой. Так и вышло, что подарил он ему Тангиля, и даже, на старый манер, хартию про то составил. Хотя по новым-то законам нельзя продавать человека без земли, а можно продавать только землю с людьми, да только кто ж их, новые законы, вдали от столицы соблюдает? Да и там-то не очень.

В общем, привёз господин Алаглани десятилетнего Тангиля в столицу. Тогда у него этого дома ещё не было, квартировал он у одной старенькой вдовы. Но как приехали – купил господин Алаглани этот дом и многое после к нему пристроил. Тангиль сказал, будто куплен дом на деньги, полученные от старого графа, но что-то мне плохо в такое верится. Сколь бы ни был щедр граф, а всё же явно господину лекарю пришлось ещё деньги докладывать. Может, у ростовщика занял, а может, скоплено было – про то Тангиль, ясное дело, ни сном ни духом.

Ну, поначалу Тангилю трудно тут пришлось – огромный дом, огромный огород, а он один, и хоть крепкий был и жилистый, но десять лет – это всего лишь десять лет. Я, конечно, покивал понимающе, трактир свой вспоминая.

Что же до господина Алаглани, то был он с Тангилем не то чтобы особо суров, но строг и сух. Наказывал редко и только за большую вину, однако же работой нагружал и требовал во всём тщания. Первый год вообще не платил, а потом начал, сперва грош в месяц, а потом, как подрастал Тангиль, всё более. Впрочем, Тангиль недолго надрывался один – вскоре, как вселился господин Алаглани в свой новый дом, так начал набирать слуг. За семь лет их тут немало переменялось, но никогда не было больше десятка. Пытался было господин Тангиля лекарским премудростям учить, но не пошло у него это дело – в отличие от Халти. Зато к лошадям сердце Тангилево всегда трепетало, и лет с двенадцати он тут единолично за конями смотрит.

Ещё рассказал Тангиль про кота. Господин Алаглани завёл его вскоре после того, как в столицу они вернулись, ещё даже до покупки дома. Тогда кот уже взрослым был и не сильно отличался от себя нынешнего. И вот что интересно – нет у этого кота имени. Очень господин кота любит, чуть ли не всегда с собой таскает. И сам, между прочим, кормит его и даже убирает за ним. Представляете? Нагадила рыжая скотина – и господин лекарь самолично за тряпку хватается. А кот ведёт себя так, будто он здесь самый главный. И ведь верно! Никому из слуг не дозволяется кота не то что обидеть, – но даже и погладить! Были тут разные, рассказал Тангиль. Кто камнем кинет, кто за хвост дёрнет. А кот – шлёп лапой когтистой, и пожалуйста, царапины. Красные метки их тут называют. И не было ни одного случая, чтобы помиловал господин. Причём ладно бы высек – нет, пальцем не трогал, но когда на следующий день, а когда и в тот же приезжала на двор телега. Сажали туда отмеченного – и увозили в неизвестность.

– Ты, – предупредил меня Тангиль, – смотри! Не вздумай кота шугануть или ещё что. Сразу красную метку получишь – и жди тогда телеги!

А кот, между прочим, всюду по дому и по двору шастает. Пользы от него ни малейшей – ни мышей, ни крыс не ловит. Зато неприятностей – сколько угодно. Работая, надо смотреть, не крутится ли рядом его величество кот, не пришибёшь ли его случайно, вёдра таская или полы надраивая.

Очень много полезного узнал я из разговора с Тангилем. Перво-наперво – семь лет назад господин наш лекарь-аптекарь неожиданно разбогател. Сами судите – комнатку у вдовы снимал, на мужицкой телеге к графу приехал, одного лишь слугу имел. И вдруг, почти мгновенно – и огромный дом с огромным садом, и оделся роскошно, и драгоценности у него

завелись. Взять хотя бы тот изумруд на цепочке – по словам Тангиля, господин его вскоре после покупки дома приобрёл. Хоть режьте меня, а не поверю, что на всё про всё графской платы хватило. Кстати, вы же знаете, я, как появилась у нас связь, навёл справки. Не столь уж и богат был семь лет назад старый граф. Не стал бы платить за спасение жены деньги, равные стоимости чуть ли не половины его имения.

Второе – как часто меняются тут слуги. Выходило, что в среднем не шибко долго они тут держатся. За семь лет всего через дом прошло их пятнадцать, считая и меня, и только Тангиль тут с самого начала. А некоторых, бывало, и через неделю сплавляли. Причём, что интересно, никто не уходил своей волей. Либо после восемнадцати, с почётом, с деньгами да письмами рекомендательными, либо с позором – на телеге. Можете считать очередной, не помню уж какой по счёту, странностью.

Третье – оказывается, многие молодые лекари просились в ученики к господину Алаглани, но тот всем отказывает. Если кого и учит, то только из слуг, как вот Халти, а до Халти ещё двое было, Гайтар и Бусинай. Спрашивается, почему? То ли неохота возиться, то ли и впрямь есть что скрывать.

Вот если всё услышанное от Тангиля сложить с услышанным от других, то очень, очень интересный узор может сложиться.

Это я про Тангиля рассказал, а теперь поведаю про Алая. Только там история ещё извилистее оказалась.

Уж я вам говорил, что с Алаем подружился, но, конечно, не сразу это получилось, пришлось постараться. Но постараться не как с угрюмыми братьями-поварами. Там-то я сперва тайну разнюхал, а уж потом дружбу наладил, а тут наоборот вышло. Вообще, подружиться с человеком приветливым да весёлым может быть не в пример сложнее, чем с мрачным и нелюдимым. Почему, спрашиваете? Да потому что весёлый и приветливый будет вам улыбаться, с ним легко беседу завязать, он не станет вас дичиться... да только всему этому какова цена? Действительно ли он по расположению сердечному к вам открыт, или просто по свойствам природы своей? Нужны ли ему именно вы – или просто он сей момент в собеседнике нуждается, уж какой есть... С угрюмцем хотя бы видно, как он к тебе относится, а с весёлым – поди разбери.

А именно приветливым да весёлым Алай и был. Внимательно я к нему приглядывался да прислушивался, свой интерес никак не выказывая. Месяца полтора по меньшей мере. И вот что понял: умнее Алай, чем поначалу может показаться. И не такой уж он весельчак, если вдуматься. А если речь его послушать, да не один раз, а помногу, словечки его припомнить да обороты всякие, то ясно станет – не из простых этот парень. Не трактир у него за плечами и не скобяная лавка. Но и не Доброе Братство... Тут книжной премудростью пахнет, но мирской премудростью. И повадки... что с детства впечаталось, то, как ни старайся, не скроешь. Ладно я, что трактир, что лавка – особой разницы нет, лист горицвета не так уж от лисинянки отличается, можно спутать, если не приглядываться. А вот шиповный цвет ни с чем не спутаешь.

Понемногу начал я вокруг него виться. То помогу чем, то сам пособить попрошу. Смешные байки ему рассказываю из купецкой жизни. Ну, само собой, сперва их придумываю. Советуюсь с ним по всякой мелочи – мол, цену.

И всё ждал я случая, чтобы дружбу его заслужить. А когда долго ждёшь, то Милостивый Творец просимое посылает. Хотя и не всегда так, как ты думал получить.

Алай, как уже говорил я вам, аптекарским огородом занимался. Огородов-то было два – обычный, с овощами всякими, небольшой, а подальше – тянутся грядки целебных трав. И с прошлого лета Алай именно этими грядками занимается. До него этим Халти ведал, но как решил господин ему лекарскую науку преподавать, травы поручили Алаю. Конечно, по необходимости помогают ему, то есть Тангиль назначает помощника. А с Тангилем догово-

риться несложно – скажешь ему, мол, тяжело Алаю сейчас, а я полы уж вымыл, не пособить ли ему? Ну, пособи, скажет. Потому я на вполне законных основаниях частенько возле Алая крутился.

А в тот день сидели мы с ним после обеда в сарае, где травы сушатся, перебирали прошлогодние запасы. Нужно было у желчь-травы семенные коробочки от стебля отделить осторожно и сами семена вынуть, затем стебли выкинуть, листья отдельно сложить – из них отвар от желудочных коликов. А семена смешать с семенами драконьего корня, на два семечка желчи – одно драконье. И в отдельную склянку эту смесь полагалось сыпать. Потом из неё господин Алаглани будет какое-то сильное снадобье готовить, от многих тяжких хворей избавляющее. Работа нудная, скучная и большого тщания требующая. Потому что ошибёшься, недосыпешь тех или других семян – и смесь уже неправильной выйдет.

А ошибиться легко, потому что в сарае темновато. Там над потолком маленькие окошки, причём так хитро устроенные, чтобы прямые солнечные лучи туда не попадали. Алай мне объяснил, что травам солнце вредно, во тьме они сушиться должны. А ещё, сказал, есть такие травы, которые сушить можно только на двойном лунном свете и никак иначе. Они силу обеих лун впитывают. Ну, понятное дело, речь про Хоар-луну и Гибар-луну. Не при свете же Зелёного Старца Мидаржи... такое лишь тёмные чародеи творят. А здесь – как опять же объяснил мне Алай – никакого чародейства, а обычное травознательство.

Так вот, в сарае темно слишком было, а выносить травы на солнечный свет не следовало. И для облегчения жизни запалили мы свечку. Ну, точнее уж, я запалил свечку, на кухне недавно заныканную. Там их много – Амихи с Гайяном до рассвета ещё готовку начинают, особенно зимой.

А надо сказать, что зажигать огонь в травяном сарае строжайше запрещалось. Пожара господин боялся. И кстати, правильно боялся – деревянные стены, множество сухих трав... если полыхнёт, то мало не покажется. Но полыхнёт у дурака, а если по-умному жечь и следить – ничего не случится.

Так вот, болтали мы, желчь-траву перебирая, страшные истории друг другу рассказывали, про ведьм и упырей, про беспокойные тени и про звериную волшбу... и так увлёкся Алай, что совсем забыл счёт семенам. Кидал в склянку, как Творец на душу положит. А склянка огромная, заполнить такую – часа на четыре работы, и то вдвоём. И вот сообразил он, что напутал. Причём даже нельзя понять, когда напутал – только что или давно.

И что теперь делать, спрашивается? Вытряхнуть всё из склянки и заново перебрать? Так на то времени уже нет, господину Алаглани семена срочно понадобились, после ужина он собирался то целебное зелье варить. Дать ему эту склянку, как есть? Так ведь соотношение семян может оказаться нарушенным, и не выйдет снадобья, а то и вместо снадобья яд получится. И кто в случае чего виноват? Тот, кто за травы в ответе. А рассказать ему как есть – немногим лучше, тоже вина немалая. Ведь передал же Тангиль его приказ: срочно смесь семенную набрать. Потому и меня охотно в помощь Алаю отрядил.

Выходило, что и так, и так Алай виноват и быть ему наказанным. И тут понял я, что вот он, мой счастливый случай. Соображаю я вслух, что же нам делать, как быть – а сам тихонечко так свечку, на полу стоящую, толкаю. Так толкаю, чтобы фитиль горящий как раз в грудку сухих листьев желчь-травы попал. Он и попал. Полыхнуло знатно! Язык огня взвился чуть ли не в мой рост. Я тут же рубаху скинул, тушить бросился, а Алаю кричу: беги за водой, живее, и ребят на подмогу зови!

Ну, сами знаете, когда человек в ужасе, ему если чёткий приказ дать, да голосом железным – выполнит не раздумывая. Ну, не всегда так, но часто. Брат Аланар мне давно ещё об этом рассказал. И вот сработало! Побежал Алай за подмогой, а я быстренько пламя сбил да затоптал – ну а попутно постарался склянку с семенами опрокинуть да разбить. Поди теперь разбери, правильная ли в ней была смесь.

Ну, прибежали ребята с ведрами, с баграми да топорами. А всё уже потушено, но и без того ущерб велик – и смеси нет, и ценные семена загублены. А чья в том вина? Того, кто свечку запалил. Моя то есть. Что же до Алая, то если его в чём и винить, то лишь в том, что недостаточно строго запретил мне эту самую свечку. Выходит, мне и ответ держать. Так мне и сказал тогда Тангиль. Мол, после ужина к господину пойдёшь и сам про всё доложишь.

Ужинали молча. Все на меня косились. Нечасто в доме такие напасти случаются. Алай было хотел вместе со мной идти, пополам вино разделить, но я сказал, что не следует ему это делать. Во-первых, свечка – это всё-таки моя задумка, во-вторых, именно я её уронил, а в-третьих, если вдвоём идти, то гнев господина может вдвое больше стать. Почему, спрашиваете? Где, говорите, логика? Её нет, да и не нужна она! Алаю тогда не логика требовалась, а тон мой спокойный да деловитый.

Не стану скрывать – страшновато мне было по лестнице подыматься и в дверь господского кабинета стучать. А ну как телегой кончится?

Ну, вошёл я в кабинет, поклонился до земли и, подбавив в голос слезы, вину свою изложил. Повернулся ко мне господин Алаглани, помрачнел.

– Ты понимаешь, что натворил? Понимаешь, что мог пожар устроить и не только травы – всё бы начисто выгорело?

Тяжёл был его голос, и снова почувствовал я себя гвоздём, по которому молоток стучит.

– Понимаю, господин мой, – прошептал я и всхлипнул. Почти и не пришлось притворяться.

– Это ты сейчас понимаешь и вскоре ещё лучше поймёшь, а тогда, в сарае, не понимал.

Что правда, то правда. Я бы и сам на его месте нерадивого слугу так же распекал.

– А понимаешь ли, что из-за дурости твоей у меня нет сейчас подготовленной смеси, а только сегодня из неё лекарство изготовить можно, потому что у луны Гибар полнолуние! А уже завтра с утра этим средством мне следовало бы мазать язвы одной почтенной благородной дамы! Из-за тебя она без лечения останется! Нет у меня запаса этого снадобья, потому что действует оно только неделю после какого-либо из полнолуний!

И вновь я понуро склонил голову. Ну вот, из-за моей задумки ни в чём, быть может, не повинная женщина пострадает! А ведь хотел как лучше...

– Ну и что теперь с тобой делать? – спросил сухо. А ноздри, заметил я, от гнева раздуваются, еле сдерживает он себя.

Ну, ответ и ёжику понятен.

– Накажите меня строго, господин мой! – сказал я, стараясь, чтобы голос и твёрдо звучал, и виновато.

«Только бы не телега!» – думал я тогда.

– А ведь и придётся наказать, – вздохнул он. – Кто такие дурости творит, тот потому их и творит, что слов не понимает. Так что ступай в овраг за северной калиткой и наломай там прутьев. Понял? Да поживее, не до ночи же с тобой возиться.

Ну, слава Творцу, не телега! Конечно, я радости не выказал, а напротив, всхлипнул и молча повернулся.

Да, насчёт этой самой северной калитки и насчёт оврага. Калитка – в самом дальнем, если от господского дома считать, месте, за аптекарским огородом и за садом. Маленькая такая калиточка в заборе, и ведёт она напрямиком в огромный, длиннющий овраг, а овраг тот, изгибаясь, тянется аж до северной городской стены. Глубокий, склоны крутые, внизу небольшой ручеек течёт, в жаркую пору почти пересыхает. Склоны все заросли крапивой, бурьяном да молодым ивняком. Очень, кстати, интересный овраг оказался и, как позже выяснилось, крайне полезный. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Дал я себе слово, что как только удобная минутка выдастся – обследую сей овраг внимательно. Может, пригодится, если из дома аптекарского придётся удирать, а может, схрон там устроить...

Да, признаю, почтенный брат Гиалху – мне следовало заранее все окрестности облазить, ещё весной. Понадеялся я на то, что представление о тамошних местах у меня имеется, но вот оказалось – подробностей-то и не знал.

Ну, про дальнейшее особо рассказывать незачем. Вернулся я в господский кабинет и был там за великую вину свою наказан. Одно замечу: далеко господину лекарю до дядюшки моего Химарая. Вот кто был мастер пороть... И хотя досталось мне крепко – пришлось за лицом следить, чтобы вместе с нужными слезами не выползла на него совсем ненужная ухмылка. Добился я всё же своего!

Чего именно? Почтенный брат, ну как же вы не поняли? Алай на меня как раньше смотрел? Да как на одного из остальных. А теперь, когда я от наказания его избавил, на себя муку приняв – стал я для него не «одним из». Друга он во мне увидел. А с другом говорят откровенно, не таят ничего от друга.

Так я и узнал его историю, а когда вы её услышите, то поймёте, почему такое только надёжному другу можно рассказать.

Лист 8.

Ну, продолжим про Алая. Поведал он мне о себе дня через два после того дела. Сидели мы с ним в так и не сгоревшем травяном сарае, перебирали огонь-траву. Это, конечно, попроще семенной смеси – просто листья от стебля отделять и по размеру складывать: крупные к крупным, мелкие к мелким.

Итак, история Алая. Как и подозревал я, он оказался из высокородных. И не просто дворянин какой захудалый, а самый настоящий тмаа! Алай Гидарисайи-тмаа его полное имя! Из младшей княжеской линии, не кот чихнул! Правда, род его уже давно изрядно обеднел, и из всех прошлых богатств остались у семейства Гидарасайи только дом в столице да пара деревенок, особого дохода не приносящих.

Отец Алая, высокородный господин Хангиль Гидарисайи-тмаа, как и большинство знати, восемь лет назад присягнул на верность Высокому Собранию. И служил в столичной гвардии, полковником был. Столичная гвардия – не мне вам объяснять – в войнах не участвует, это раньше была королевская охрана, а теперь охраняют они дворец Высокого Собрания. От кого, неясно, но охраняют.

Алай – младший сын, а двое старших, уже взрослые, Хинагилай и Гутаири, тоже служили в гвардии, в звании лейтенантов. Правда, не в отцовском полку, а в другом, коим командовал высокородный граф Хубару-тмаа.

Мать Алая, именем Бусинараи, происходила тоже из благородного рода, но не столь знатного. Обычная женщина – вышивками занималась, составлением букетов и писала семистишия о всяких там цветущих сливах и полночных звёздах, похожих на спелые яблоки.

А сам Алай ходил в Благородное Училище, четыре класса окончить успел, читал книжки и хотел не воином стать, как отец и старшие братья, а путешественником. Чтобы открывать новые земли и описывать тамошних зверей и птиц.

В общем, обычная благородная семья, всё у них было хорошо. И тут – помните, Арахайское дело? Очередной заговор против Высокого Собрания. Случилось это за два года до того, как Алай попал к господину Алаглани. Так вот, тогда многих высокородных взяли – в том числе и отца Алая. Дескать, тоже был с заговорщиками, тоже собирался сбросить справедливую власть и посадить на трон герцога Имхая Хромого, укrywшегося во враждебной Нориланге. И тут же, вслед за отцом, братьев арестовали, а на другой день – и Алая с матерью, и двух слуг их. Прямоком в подземелья Башни Закона отправили. Зима тогда была, и, как помните, лютые холода стояли.

Ну, сами понимаете, сейчас уж невозможно понять, был ли тот заговор на самом деле, а если и был, имел ли полковник Гидарисайи-тмаа к нему отношение. Алай, конечно, уверен, что ни в чём его отец не виноват, но по-всякому может быть, сами знаете.

В общем, отца и братьев, как прямых заговорщиков, на Придворцовой площади посадили на колья – вместе с ещё парой десятков то ли безвинных жертв, то ли светлых героев. А Алая с матерью в цепях туда привели, и видели они казнь от начала и до конца. Потом снова в подвал отвели. Благородная Бусинараи умом тронулась от этого зрелища, а к тому же и простыла в подвале. Там же не топят, сами понимаете. Охалка соломы – и грейся как знаешь. В общем, начала она кашлять, кровотечения горловые пошли, и недели через три после казни померла она. Призвал Творец. Ну вы представьте, каково Алаю было, на двенадцатом-то году – сидеть в камере у трупа матери. Я-то понимаю, но и мне попроще всё же пришлось – всё же и не так сразу у меня это случилось, и не такого я был тонкого да благородного воспитания. К тому же было мне кого ненавидеть тогда... Да, почтенный брат, я прекрасно знаю, какое недостойное чувство ненависть и что по её поводу говорится в Посланиях. Но правда и то, что моя ненависть меня тогда поддержала, в самые чёрные дни. А кого было

ненавидеть Алаю? Его-то воспитывали в преданности Новому Порядку. На чьи головы молнию выкликать? На членов Высокого Собрания? На самого гражданина Благоуправителя? Словом, тяжко, очень тяжко ему в подвале пришлось.

А меж тем и его судьба решилась. Отправили его на медные рудники, на юг. На те самые, куда не доехал, как помните, купецкий сын Гилар. Вообще очень похоже вышло. Тоже в цепях вывели из подвала, посадили на телегу, отвезли в острог, там он месяц пылился, пока не набралось достаточно таких же бедолаг, на бессрочную каторгу осуждённых. И повезли их на юг, в горы. Только никакие верёвки княжеский сын, в отличие от купецкого, не перетёр – куда ему! Иначе вышло. Среди стражников оказался один десятник пожилой, который когда-то под началом его отца, высокородного Гидарисайи-тмаа, служил. И сжалился над ним десятник, на одной из стоянок расковал – и его, и ещё пару-тройку парнишек. Велел им набрать хворосту в лесу и тащить, ибо мороз тогда стоял лютый и сказал десятник командиру своему, что пусть уж лучше люди обогреются, чем на рудник мёрзлые трупы везти. А того не сказал, что успел заранее в тот лес сбегать и спрятать под вывороченной елью полушубок, шапку да рукавицы. Ну и мешочек с медяками. И шепнул Алаю, как ту ель найти и как потом из леса на торговый тракт выбрести.

Так и получилось. Десятника, наверное, наказали за побег – и до сих пор Алай мучается от этой мысли. Хорошо ещё, если просто посекали, а могли и казнить, согласно воинскому уложению о преступлениях. Охрана же отвечает головой за арестованных... Алай, сказал, сам не знает, что на него нашло – то есть почему он тогда десятника послушался и от каравана сбёг. Надо было, сказал, остаться – сберёг бы тогда не голову, а честь. Ну, сами понимаете, высокородный. Честь превыше нужды и всё такое... Теперь за душу того десятника Изначальному Творцу мольбы воссылает, только не знает, за живого молить, за мёртвого ли...

В общем, скитался Алай около месяца – а сами понимаете, каково скитаться зимой, да ещё мальчишке, с которым доселе большей беды не приключалось, кроме как в школе урока не ответить. Забрёдал он на постоялые дворы – так ведь чтобы покормили, надо поработать, а ничего он не умеет. И милостыньку тоже просить не умеет. Полушубок прохудился, рукавицы потерялись. Совсем Алаю плохо пришлось. Но как-то добрёл он до городка Тмаа-Гиарлу, в пяти днях конного пути от столицы. И там улыбнулась ему судьба – ткнулся он в поисках тепла да хлеба к местному аптекарю. И надо же так случиться, что аптекарем там оказался бывший слуга господина Алаглани! Из тех, кого тот снабжает деньгами и письмами да отправляет к знакомым своим. Этот парень, Таумилахи, тогда уже три года как в городке жил, получил он письмо рекомендательное к тамошнему аптекарю, тот взял его в подмастерья, и очень скоро Таумилахи женился на его дочке. А старый аптекарь помер, волчьим огнём от одного больного заразившись, и зять унаследовал его дело. Ну а сердце у парня доброе, жизнь его тоже тяжкой до службы у господина Алаглани была. В общем, приютил он Алая, а как выпала оказия в столицу поехать за товаром – взял с собой Алая, привёз к господину Алаглани и упросил взять пацана в услужение.

Понимаете, что выходит? По закону Алай – беглый каторжник, и ежели кто опознает его, то получит награду в десять огривов! А Алая отправят на кол. И укрывая его, господин Алаглани тоже преступление совершает! За которое, как знаете, положено его лишить всего состояния и всякого звания, бить кнутом. Ну и на каторгу, само собой. Новый Порядок не шутит.

Потому-то Алай и носа за ворота показать не может. Потому-то и не хотел ничего о себе рассказывать – правда слишком опасна, а врать так и не обучился. Мне доверился, потому что, как сказал он, «только честный и благородный человек способен взять на себя чужое страдание». Я, конечно, не стал его разубеждать.

А к тому же далее так повернулось, что дружба с Алаем очень оказалась для дела полезной...

Ну, теперь про остальных. Тоже кое-что разнюхать удалось. Начну с Хайтару – тут ведь, с одной стороны глянуть, просто было. Парень он недалёкий, таиться и хитрить не умеет. А с другой стороны, была и сложность. Уж больно он неразговорчив – вернее, мысль его и язык друг с другом плохо ладят. Десять раз нужно переспросить, прежде чем поймёшь, о чём он. А десять раз переспрашивать как раз и нельзя – будет видно, что выпытываю.

В общем, оказался он моим ровесником, пятнадцатый год ему на то лето пошёл, а родом он из Западного удела, крепостным человеком дворянина Дисиная-тмаа был. Господин его не шибко богат и знатен – всего-то тремя небольшими деревеньками владел. Родители Хайтару обычными землепашцами были, а самого его ещё лет шести продали в вечные холопы господину своему. Ну прямо как у Халти история, тоже младшеньких кормить было нечем, неурожай, такие дела. Только Хайтару, в отличие от Халти, не сбёг никуда. Ума ему для этого не хватило бы и воли. Да и слишком уж мал он тогда был.

Не сбёг – и оттого хлебнул горя выше меры. Господин-то Дисинай-тмаа безумцем оказался. Как на гайтанской войне получил дубинкой по черепу, так и началось. Гайтанская война, как вы знаете, тридцать лет назад была, и вот тогда он, капитан копейщиков, получил увольнение от службы и вернулся в поместье своё. Целый год болел, едва с постели вставал, а после привели к нему какого-то знахаря, и тот господина на ноги поднял. Только лучше бы он того не делал, потому что хоть и вернулось к Дисинаю-тмаа телесное здоровье, но зато исчезло душевное. Проклюнулся в нём зверь беспощадный, жестокий. Я так смекаю, почтенные братья, не обошлось тут без тёмных чар, и знахарь тот... сами, в общем, понимаете. В общем, проморгал его тамошний Надзор. Короче, по-всякому господин Дисинай-тмаа над холопами своими измывался. Ладно, если бы только порол... так он и пытал, подвал особый на сие дело в доме его имелся, и всё там он завёл, что полагается – и дыбу, и жаровню, и «весёлую лестницу», и «крысий стульчик». Мало, однако ж, пыток... он и иное над холопами своими учинял, о чём, почтенные братья, и говорить не следовало бы.

И вот в такую преисподнюю шестилетний Хайтару угодил. Поначалу-то его господин не особо замечал – ну, понятно, что тяжкой работой все пацана грузили, пинков да подзатыльников без счёта. Но тут ещё как-то вытерпеть можно. А вот года через три обратил на него безумный господин свой взгляд. Взял к себе в лакеи. Прикиньте, это Хайтару-то, который и умом не силён, и памятью. Понятно, что всё путал, терял, забывал. И за то чуть ли не каждый день порол его Дисинай-тмаа до крови. А потом и больше того пошло – разгорелся в безумце тёмный пламень. Понятное дело, не рассказывал мне Хайтару подробностей, да и без того несложно понять. А деться некуда, и даже плакать по ночам он не мог, ибо ночевать ему велено было в господской спальне, на коврике. Разбудишь плачем господина – и хорошо, если это всего лишь розгами кончится. Помните, я уже про ухо его упоминал? Так это ему в подвале ухо жгли.

Ну, понятно, что не один он такой страдалец в поместье был, и худая слава о господине Дисинай-тмаа далеко пошла. А тем более, король уже четыре года как низложен, Новый Порядок, многих высокородных на колья посадили... Вот и решили мужики, что теперь с господином пришла пора посчитаться, что Высокое Собрание хочет всех дворян извести, а земли чёрному народу раздать. Такие по деревням толки ходили. Ну, и зимой началось. Вооружились кольями, вилами, топорами, пошли на господский дом. Вытащили Дисинай-тмаа прямо из постели, где тот сразу с двумя дворовыми девчонками кувыркался. Люто с ним поступили – изжарили живьём. А поместье подожгли. На другой день стали земли господские делить. Уже весенний сев не за горами, пораскатывали губы.

А через неделю – воинский отряд из города. Усмирять мужицкий бунт, значит. Новый Порядок, мол, это не смута и всякое непокорство не терпит. Зачинщиков повесили, осталь-

ных на сельской площади выпороли, а земли господские взяли в казну, и оброк на мужиков навесили поболее даже прежнего. А холопов дворовых куда девать, коли уже и двора нет, головешки одни? Совещались в Высоком Собрании да и решили переселить их на другие казённые земли, в Северный Удел. Пусть, мол, выжгут там лес, распашут поля, поставят избы – и платят положенный оброк.

Хайтару-то, как поместье пожгли, тут же в деревню убежал, к родителям, но его прямо из родного дома солдаты забрали. Всё, сказали, коли дворовым холопом был, то и нечего тебе тут делать, езжай-ка ты на Север.

И поехал он в северные леса с прочими дворовыми людьми. Десять лет мальчишке было. А кому он из дворовых нужен? Всем ведь чужой! Ну, как на место их привезли, распорядился назначенный староста, чтобы детишек, которые без родителей, по семьям распределить. Но вы сами подумайте: вот приехали они в северные леса, весна, жрать нечего, работы полно – жечь лес, пахать целину, ставить избы... Для взрослых сильных мужиков работа, не для пацанья... В общем, тот дядька, к которому Хайтару определили, сразу ему сказал: своих пятеро ртов, кормить тебя нечем. Уходи-ка ты в бега, парень. Не то протянешь тут ноги.

И пошёл Хайтару лесами на юг. Лесами – потому что на дорогах-то заставы, беглых ловят и обратно отправляют. Ночами шёл, а днём в чаще отсыпался. Голодал, кору жевал, и чуть россомаха его не задрала. Но повезло, вышел всё-таки на торговый тракт, миновав все заставы. И с тех пор бродил по сёлам, батрачил, милостыньку просил. Летом-то ещё ладно, а вот зимой совсем тяжело приходилось. Так он до пристольных земель добрёл, и подобрал его прошлой осенью господин Алаглани, когда возвращался в бричке своей от одного дворянина – то ли исцелял, то ли просто в гостях был, того Хайтару не понял. Совсем от голода обессилел, на обочину присел, а встать уж и не мог. Ну, велел господин Алаглани остановиться Тангилю. Взяли Хайтару в бричку, закутали в шерстяное одеяло, которое там на сиденье для мягкости было подложено. Дальше понятно – привезли домой, накормили, хвори залечили и к работе приставили.

Но хвори-то какие исцелили? Только телесные, а с душевными что поделать? Куда память о тех годах у безумного господина девать? Оттого и плачет нередко Хайтару по ночам. Видать, снится то самое.

Теперь насчёт Дамиля. Сойтись с ним мне так и не удалось, и никому вообще не удалось. Поэтому сразу изложу то, что узнал гораздо позже. Впрочем, никаких подробностей тут я не знаю, не рассказали мне подробностей.

Дамиль – из весёлого дома в Нижнем Городе. Знаю только, что где-то неподалёку от квартала ткачей. Сколько лет он там провёл и как туда попал, никто из ребят не знает. При Старом Порядке содержатели весёлых домов хоть таились, всё это считалось трактирами или постоянными дворами, и только в задних комнатах было то, зачем и приходили туда развратники с сальными глазами да толстыми кошельками. А при Новом Порядке и таиться перестали. Праведного Надзора более нет, кого бояться? Деньги в городскую казну платишь – ну и ладно. Свобода...

Короче, был Дамиль из мальчиков по вызову. И вызвали его однажды зимой в дом чиновника, ведающего городскими складами. Чиновник тот, с лицом багровым, на жабу похожий, давно такими делами баловался. Да покарал Изначальный Творец – прямо в постели хватил его удар. Слуги тотчас за наилучшим лекарем помчались, а сами знаете, кто у нас наилучший. Словом, пришёл господин Алаглани – а оказалось, поздно уж. Не помер чиновник, но обездвижел и речи лишился. Только булькать мог что-то невразумительное. Господин Алаглани сперва слуг выспросил, когда и как всё стряслось, затем оттянул ему веко, язык осмотрел, пульс ощупал – и сказал, что бессильно тут лекарское искусство. Ну, уж насколько бессильно – вопрос не простой, но сами понимаете, отчего господин лекарь так сказал. А Дамиль-то всё сидел в углу на корточках. О нём и позабыли все. А он, видно,

в весёлом доме к повиновению приучен – коли не велели ему убираться вон, то и остался на месте. Господин всё про него понял, велел одеться и увёл с собой. Потом уж в дом к нему заявлялись недобры молодцы – отдавай, мол, наше имущество. Уж не знаю, что сказал им господин – но никто с тех пор за Дамилом не заявлялся, и тому уже более полугода прошло.

Про Амихи с Гайяном я позже расскажу, ибо тогда, к осени, ничего я толком про них не успел разнюхать, а правда выяснилась гораздо позже. Про Халти я уже говорил и ничего более к тому добавить не могу. А вот с Хасинайи всё вышло очень грустно. Но о ней я тоже узнал слишком поздно.

Лист 9.

Однако, почтенные братья, слишком я увлёкся отчётом о слугах господина Алаглани, а пора уже перейти и к нему самому. Заодно расскажу о некоторых своих сомнениях и предположениях.

Как вы помните, в первые же недели я установил, что кто-то подслушивает господина Алаглани с чердака. Причём этот «кто-то» мог быть из прошлых слуг, а мог и из нынешних. Поэтому я там, на чердаке, укрепил незаметную паутинку. Всё сделал, как учили. Специально такое место выбрал, что и миновать его никак нельзя, и солнечные лучи на него не падают, и потому заметить мою паутинку можно было, только если точно знать, где.

И что же? Не прошло и недели, как порвали её, паутинку. Значит, среди ребят наших таится нюхач. Просчитать, кто он, мне тогда не удалось. Кто угодно мог быть, даже безумицу Хасинайи не следовало сбрасывать со счетов. Чтобы точно понять, кто это, следовало непрестанно наблюдать за люком на чердак. А как это сделать, если ты сам почти весь день на виду и работы у тебя всегда достаточно? Но если рассуждать логически – как учил меня брат Аланар – то прежде всего стоило поставить себя на место нюхача. Что, как понимаете, несложно. Итак, нюхач имеет возможность время от времени пробираться на чердак и подслушивать господина. Вот, положим, я нюхач. Когда мне господина подслушивать? Первым делом, когда он приём ведёт, то есть после обеда и до ужина. В первую половину дня смысла никакого – либо господин Алаглани в городе по больным ходит, либо там же – по делам всяким, либо сидит тихонько в кабинете, читает и пишет. Значит, мне, нюхачу, нужно как-то незаметно улизнуть от чужого взгляда на это время, а также постараться работу свою, которую в это время положено делать, как-то справиться. Не то заметит Тангиль, будет шуму...

Кто же в такое время может улизнуть? Либо тот, кто без пособников работает, либо тот, у кого на сей час вообще работы нет. Кто у нас частенько без пособников трудится? Хайтару отпадает, он чаще всего воду таскает в паре с кем-то. А вот все остальные... Алай может. И Хасинайи, и Тангиль. Что же касается Дамиля, то он – первый подозреваемый. Ибо когда господин приём ведёт, то лакея своего отсылает из кабинета. Стало быть, Дамиль может. Правда, отсылать-то отсылает, но недалеко – в спальню или гостиную. Оттуда должен быть слышен колокольчик, если Дамиль потребуется – вина там подать, или Халти позвать, чтобы какое нужное снадобье из сарая принёс. Так что если это Дамиль на чердак лазает, то сильно рискует. Вызвонит его господин – а лакея и нету.

Хотя... Ничего он не рискует! Уж если сверху голоса из кабинета слышны, то колокольчик – тем более. Тут остаётся лишь быстренько спуститься и на вызов прибежать. Всё равно медленнее выйдет, чем если из спальни, но то беда невеликая. Ну, поругает господин Алаглани... Может, он и ругается на Дамиля, мне откуда знать?

Но брат Аланар учил меня и тому, что первое предположение – самое сомнительное. Если нюхачом может быть Дамиль – то им может быть и кто-то другой. Вот та же Хасинайи. Из-за её странностей ребята стараются пореже с ней сталкиваться – стало быть, её отсутствие и незаметно. Вот я, к примеру, часто её замечаю? Бывают дни, что вообще только за трапезой.

Или тех же поваров наших взять. Бывает так, что я, на кухню заглядывая, застаю лишь одного из них? Бывает! Второй, например, помой пошёл выносить в выгребную яму, или в погреб спустился, с ледника припас взять, или на огороде пряные травы для похлёбки собирает... И что я, проверял, в самом ли деле так?

А тот же Алай... пропалывает себе целебные травки или в сарае чего-то делает. Да, я частенько ему помогаю, но не каждый же день! Причём иногда у него работа бывает такая, что сразу видно, сделана или нет – как вот тогда со смесью семенной, а бывает, что никак

и не проверишь. Скажем, отваром луковой шелухи всходы окропить... дело нужное, а со стороны ничуть не заметное.

А старшенькие наши – Тангиль и Халти? Тоже ведь не на виду, каждый из них вполне может оказаться нюхачом... Старшой наблюдает, как мы работу свою исполняем – а это значит, что видим мы его лишь тогда, когда это ему нужно, а не нам. Халти частенько по поручениям господина в город ходит. Что мешает ему пораньше дела обделать и на чердак пробраться? Он же ни перед кем, кроме господина, не обязан держать ответ.

Словом, получалось так, что, кроме Хайтару, все на подозрении. И опять же брат Ала-нар про такое говорил: если есть сто равновероятных раскладов и один совсем невероятный – присмотришься к невероятному. Может, он потому лишь кажется тебе невероятным, что ты чего-то не знаешь или не замечаешь.

Понятное дело, если б там ловушку сделать... капкан волчий поставить, или хотя бы ведро с водой, а в воде растворить толчёный корень бычьего зуба... такая вонища, что как ни смывай, а не меньше недели запах продержится... И ведь несложно такое соорудить. Да только зачем вычислять нюхача, если и тот будет знать, что вычислен? Нет уж, так нужно сделать, чтобы тот нипочём не догадался...

И ещё думал я тогда: вот, скажем, вычислю я чужого нюхача. А дальше-то что с этим делать? Развязать ему язык простым разговором не удастся, а никаких других средств нет. Значит, понять, чей он, я тоже не сумею. А не поняв этого, не понять и другого: мешать ли ему, помогать ли, не обращать ли вообще внимания...

В общем, сидела у меня в уме огромная такая заноза. И ещё я думал над тем, что пора уже и мне начинать прослушивать господина. А как? Воспользоваться чердаком? Но ведь там можно столкнуться с тем, другим нюхачом. Оно мне надо? Да и мне ли самому такое решать? При первой же возможности нацарапал я записку обо всём этом и оставил в известном вам месте. Напомнить, какой ответ получил? «Действуй по обстоятельствам»!

Но в конце лета события, наконец, ускорились. И сумел-таки я прослушать господина, но только получилось это как бы само, без подготовки.

Началось с того, что Дамиль сильно провинился перед господином Алаглани. Не знаю уж, что натворил – сам он хрен скажет, а ребята толковали разное. То ли, когда поручили ему разнести несколько писем по разным адресам, ошибся и что-то не туда отнёс, из-за чего скандал вышел. То ли умудрился чайник горячий на господина опрокинуть. То ли – и это самое страшное – коту чем-то не угодил. Хотя до красной метки не дошло. Достоверно установлено лишь то, что кричал на него господин страшно.

Нет, про то не знаю – как наказал. Может, и вообще не наказывал – только на следующий день получилась у нас большая перестановка. Объявил за ужином господин, что более не годится Дамиль для комнатного услужения, и пусть пока воду таскает да на огороде что попроще делает. Попроще – не в смысле полегче, а в смысле, где поменьше мозгов надо. А вместо него в лакеи себе Алая взял. Мне же вместо Алая велел целебными травами заняться. Дополнительно к помощи по кухне. Удивился я очень. Ну не глупо ли получается? Ладно Алай, он с комнатным услужением уж как-нибудь справится, коли ум есть, то и несложно. Но вот мне как с травами-то? Знания ведь нужны, опыт!

Набрался я смелости и про то господина прямо спросил. Тот лишь плечами пожал:

– Алай тоже когда-то начинал, никакого опыта не имея. Ничего, научишься, Халти на первых порах, что непонятно, пояснит, да и Алай не в заморское царство уплывает. Будет у него минутка, подскажет, пособит.

Вот так оно и получилось. Очень скоро понял я, что для дела такие перестановки гораздо полезнее. Теперь надо мною меньше стало надзора – ибо Тангиль в дела травяные не особо совался. Опять же, проще оказалось что-нибудь из трав взять, буде такая надобность

возникнет. Кроме того, иметь дружка Алая в лакеях господских – это гораздо лучше, чем угрюмца Дамиля. Можно кое о чем и попросить, и невзначай расспросить.

И действительно, вскоре повезло мне.

Я уже говорил, что к кабинету господина Алаглани примыкал небольшой чуланчик. Три локтя в ширину, четыре в длину, и тёмный – никаких окошек нет. В чуланчике этом Алаю полагалось спать ночью, чтобы, если господин кликнет – сразу бежать и выполнять приказания. Но был у него и тюфяк в людской, и нередко господин разрешал ему ночевать с нами.

Так вот и сидел он обычно в чуланчике, там тюфячок у него был, и свеча в подсвечнике на полочке, к стене приделанной. И когда господин уезжал в город, мы с ним частенько в том чуланчике сидели да болтали. Причём вроде и причина у меня есть уважительная – насчёт ухода за лекарственными травами посоветоваться. Приносил я Алаю чего-нибудь пожевать. Нет, что вы! Разумеется, не пряники! Только то, что все ели. Но согласитесь, одно дело, когда в каше прожилки мяса, а другое – когда тебе кусок варёного мяса на кости притащат. Или хлебушка свежего – нас-то чёрствым кормили, господин полагал, что так оно для здоровья полезнее. В общем, было мне чем дружка моего подкормить.

Конечно, если б господин прознал, сколь часто и сколь долго я в его кабинете торчу, вместо того чтобы делом заниматься – несдобровать бы мне. Но я-то по-умному всё делал. Высчитал заранее, во сколько он обычно приезжает из города, и загодя линял со второго этажа.

Но вот в тот день господин с Халти утром в город уехали и к обеду не вернулись. Бывало уже такое, и значило это, что их только к ужину и ждать. Халти говорил, что если на операцию зовут, то это надолго. Городские-то лекари в сложных случаях зовут господина Алаглани, чтоб поприсутствовал и мудрым советом помог. А самому Халти поручают инструмент готовить – в серебряном котелке то есть прокипятить, во время операции подать то вату, то иголку с ниткой особой, заранее продетой, а после бинтовать.

В общем, решил я, что раньше ужина господина можно и не ждать. Притащил Алаю хлебца свежего. А он мне книжку одну пересказывал, про то, какие есть на земле дальние страны, и какие в этих странах звери живут. Вот, к примеру, в далёких северных краях, у самой кромки Ледяных гор, водится такая животина, Инадаракс называется. По виду она точно крот, но размерами поболее быка будет. И роет ходы подземные, да такие получаются ходы, что человек не нагибаясь там пройдёт. Сплетаются эти ходы чисто как нити паутины, и если каждый считать за улицу, то складываются из них целые города. Местные люди там зимы пережидают, потому что слишком уж крепкие да студёные ветры в тех краях зимой. А чем этот Инадаракс кормится, никто не знает. Написано в той книге, будто одни учёные люди говорят: что землём, в которой ходы копает, а другие – что охотится он на совсем уж никому не ведомых подземных зверей, никогда на поверхность не выходящих...

А в жарких странах, на огромном острове Барра-Алагайя, водится ночной страх. Вот представьте кота обычного, да размером с корову! Зовётся Нуанто, днём его никто никогда не видел, где прячется, никому не ведомо. А как стемнеет, на охоту выходит, и горе тому путнику, кто в поле или в лесу заночует. А уж как скотину ворует, и не передать! Мужики тамошние порой собирают целое ополчение, выводят какую-нибудь козу или овцу, привязывают – а сами поодаль с луками и копьями залегают, и ждут. И речным илом обмазываются, чтобы дух человеческий перешибить. Приходит нуанто полакомиться, а они все разом стреляют и копьём мечут. Только слишком быстр нуанто, редко когда застрелить удаётся. Чаше прорывается он через цепь охотников и в тростники уходит. И на такой охоте каждый раз кто-нибудь да гибнет...

Всё, прекращаю пустую болтовню и продолжаю строго по делу! В общем, сидим мы, он мне про зверей рассказывает. А мне-то что ему в ответ рассказать? Я вновь начинаю о

прежней жизни его выспрашивать – какие порядки у него в доме были, строго ли было в Благородном Училище... Ну и чуточку о своём купецком прошлом говорю. Потом от дел давних переходим к нынешним. Жалуется он мне, как скучно ему тут сидеть – уж лучше как раньше, на огороде и в сарае. Про господина говорит, что никогда тот не кричит, не ругается, а приказания отдаёт вежливо... «Будь добр, Алай, сбегай, позови мне Тангилю», «А не пора ли чернила в чернильницу налить, там, видишь ли, на донышке только осталось», «тебе не кажется, что уж больно душно тут. Надо бы проветрить, не находишь?». А от этого у Алая только больнее на душе делается. Лучше бы, говорит, дурными словами ругался. А то рязмякаешь, вспоминаешь о прежней жизни, о книгах, о семейных праздниках – а потом мозги как ледяной водой обольёт. Осознаёшь, что теперь ты беглый преступник, что каждый, кто опознает тебя, за десять огримов радостно властям сдаст, что нет у тебя более никого, кто бы тебя любил, для кого ты был бы самым-самым.

– Знаешь что, – посоветовал я ему, – ты постарайся всё прежнее забыть. О другом думай. О том, что через пять лет отпустит тебя господин – и начнётся у тебя другая совсем жизнь, свободная. Уедешь от столицы подале, и никто тебя не узнает. Да и те, кто мог бы узнать – они ж пацанёнка одиннадцатилетнего помнят, а ты в здоровенного парня вырастешь. Кем захочешь, тем и станешь, если постарайся, конечно. Хочешь – аптекарем или лекарем, а хочешь – своё хозяйство заведёшь, на дом накопишь. Встретится тебе девчонка, которую полюбишь и которая ровня тебе, женишься... А то можно сперва подкопить денег аптекарством, а потом в столичный университет податься. Туда ж, я слышал, при Новом-то Порядке без различия сословий берут. А как окончишь университет, получишь диплом на пергаменте, так и прошение на дворянское звание подавай. Только не сразу, выжди лет пять, чтоб за это время связями всякими обзавестись, друзьями полезными... Короче, не вздыхай о прошлом, а надейся на будущее. Я вот надеюсь. Вырасту, освобожусь, наймусь приказчиком в скобяную лавку, дело-то знакомое, денегат накоплю и свою лавку открою. Только уж осторожнее буду насчёт пожара, и на шелка всякие не поведусь. Гвозди доход дают не быстрый, да надёжный...

Говорим мы так, говорим – и тут шаги на лестнице. Шаги господина Алаглани – я их давно уж чутя научился. Сапоги у него скрипят, и ступеньки звучат не так, как если кто из наших. Мы-то босые, мы звучим «шлёп-шлёп», а он – «тук-стук».

Ну и прямо в кабинет направляется. И что теперь делать? Я Алаю знак подал: не выдавай, мол. А он тоже умный, он тюфяк поднял и показывает: на пол ложись. И сверху тюфяк на меня кладёт. Если бегло глянуть – не заметишь.

– Алай! – кличет господин. – Поди сюда!

Дружок мой стрелой из чулана в кабинет метнулся, дверцу прикрыв плотно. Да только не держится она, скрипнула и чуток отворилась, узкую щёлочку оставив.

– Обед мне, да поскорее! И не в столовой накроешь, а тут, в кабинете! А как уберёшь посуду, пойдёшь к Тангилю, скажи, чтоб нашёл тебе до ужина какую-нибудь работу. Мне ты пока не надобен, у меня скоро приём начнётся.

Вот так и получилось, что весь этот приём подглядел я да подслушал. Конечно, рисковал сильно – а ну как обнаружил бы меня господин в чулане? Очень даже свободно такое дело могло бы телегой закончиться. Но в нашей работе, как многие из вас меня наставляли, порой без риска никак.

Лист 10.

Продолжаю о том дне. Пугали меня только две вещи. Во-первых, кот. А ну как почует, скотина, что я в чулане хоронюсь, начнёт орать, рваться туда? Вот это бы и впрямь плохо оказалось – вдруг поставит красную метку? А второе – если затянется приём, не успею я на ужин. Не думайте, что мне так уж есть хотелось. Просто ведь непременно хватятся меня, побегут на огород, побегут в сарай – а меня нет. И что мне потом объяснять Тангилю, да и остальным?

Думаю я обо всём этом, думаю, а сам из-под тюфяка чуть выполз – ровно настолько, чтобы и в щёлочку подсматривать, и обратно под тюфяк, если что, юркнуть. Да, и о третьей опасности я подумал: не чихнуть бы. Но сами знаете, от чиха средство есть – на болевую точку надавить, между пальцами. Удовольствие, конечно, невеликое, но уж точно не до чиха будет.

А меж тем накрыл Алай обед господину, постоял у него за спиной, подавая то и это, потом пустую посуду на поднос – и вон из кабинета. Господин Алаглани в кресло своё роскошное уселся, кота щелчком пальцев подозвал – и принялся его гладить. Он гладит, котяра урчит, а я думаю: это он хорошо, это он правильно. Лучше пусть у него на руках, чем свободно бегать и в чулан соваться.

А тут и приём начался. Постучался Алай в кабинет, склонился в поясе и объявил:
– Высокородный господин Шиарай-тмаа!

И тотчас в кабинет вкатился дворянчик. Толстенный такой, лысенький, лет уже солидно так, одет богато. Кафтан тонкого заморского сукна, расшит золотыми нитями, туфли из телячьей кожи, на пальцах перстни.

– Желая вам доброго здравия, высококородный господин Шиарай-тмаа, – поприветствовал его господин Алаглани. – Прошу вас, присаживайтесь в кресло!

Приметил я, что хоть и благородная кровь к нам пожаловала, а не выскочил господин из-за стола, не согнулся в поклоне поясным. Видимо, знает себе цену.

Уселся благородный Шиарай – и начал на беду свою плакаться. Ну, не сразу, конечно, к делу приступил, а всякие сперва улыбочки, усмешечки, намёки... я даже поначалу не сообразил, о чём речь. Но после понял – с женщинами у него перестало получаться, и тому уже пятый год. И что уж скольких лекарей обошёл, и выписывал из Академии Сиуранской, и поиздержался на этом так, что от бывшего состояния, почитай, и не осталось ни шиша... ну, этот намёк я с ходу разьяснил. Это он насчёт платы за услуги, мол, груды золота не ждите...

Господин Алаглани слушал его, слушал, головой кивал – а потом и спросил:

– Высокородный господин, вам ведь уже, насколько понимаю, шестой десяток к концу подходит?

– О, вы правы, – кивает тот, – да только иные мужи и в значительно более зрелом возрасте ещё хоть куда, а у меня вот несчастье какое...

– Неужели почтенная супруга ваша, высококородная Ишисийи-тмаа, претерпевает столь уж серьёзные страдания из-за вашей возрастной немочи? Она ведь тоже, как я понимаю, немолода? Не следует ли смириться с Высшей Волей и естественным законом, отдавшись делам милосердия и душепопечения?

Вроде и почтительно сказал, а уж мне ли ехидства не заметить?

– Ну... – протянул тут Шиарай. – Оно, конечно, так, но... Но вы же сами понимаете... Жена женой, а так ведь свет на ней клином не сошёлся... Как там сказано у поэта?

Во мне горит ещё огонь желанья,
И не страшусь я тени гробовой.

Готов рискнуть седою головой
За миг один лишь страстного лобзанья...

Надо же, лысый наш и в стихах дока! А на первый взгляд – все мысли у такого в кошельке помещаются.

– Ну что ж, – молвил тут господин Алаглани, – если, значит, тени не страшитесь и намерения ваши серьёзней некуда, то попробовать, конечно, можно. Есть способы. Но сразу должен предупредить – это недёшево. Бальзам, который способен вернуть вам утраченные силы, создан на основе чрезвычайно редких, я бы даже сказал, драгоценных заморских трав. Причём воздействие бальзама не столь уж долговечно, и потому вам периодически придётся прибегать к сему средству. А поскольку знаете вы, что другой поэт сказал:

Что лекарство, что яд – корень всюду един,
Господин – тот же раб, как и раб – господин,
Есть в огне холодный лёд и огонь есть во льду,
Так купайся же в счастье, лелея беду,

то рекомендуемый мною бальзам, увеличивая мужскую силу, вместе с тем и сокращает долголетие. Конечно, лишь в том случае, если злоупотреблять его применением. Во всём, как учит нас премудрый Памасиохи, следует соблюдать меру. Ибо мерою сотворены небеса и земли, и мерою определён им срок...

– Сколько? – напрямую спросил лысый.

– Полтора ста огривов, – не моргнув глазом, ответил господин.

Лысого аж перекосило, и будь у него волосы, то наверняка дыбом бы встали.

– Что? Вы это серьёзно? Это ж цена пяти быков!

– Не спорю, – согласился господин. – Только вот есть на свете вещи гораздо дороже каких-то там быков.

– Ну, я бы ещё понял, если пятьдесят... ну, семьдесят...

– Высокородный господин Шиарай-тмаа, – усмехнулся наш аптекарь, – видите ли, мы не на базаре, торг здесь неуместен. Я называю взвешенную цену, большую часть которой составляют расходы на приобретение и переработку заморских трав. Согласитесь, неразумно было бы мне причинять самому себе убыток. Многие почтенные мужи пользуются моими лекарскими услугами, и уверяю вас, если вы откажетесь от чудесного бальзама, тот не останется невостребованным.

– Ну ладно. Уговорили, – этот лысенький прямо-таки цедил из себя слова, по малой капле. – Давайте этот ваш бальзам!

Господин встал из-за стола, подошёл к одному из шкафов – опасно близко от чулана, я даже дыхание затаил – снял с пояса связку ключей и отворил дверцу. Вынул оттуда что-то – сперва я не разглядел, а после уж понял, вроде флакончик невеликий, благородные дамы в таких всякие благовония и притирания хранят – и протянул лысому.

– Вот, высокородный господин. Принимать нужно только в тот день, когда для вашего огня желанья найдутся подходящие дрова. И не более трёх капель. Да, вот ещё что. Сядьте-ка снова в кресло. Чтобы состав подействовал более эффективно, мне надо подстроить его влияние под вибрации ваших тонких флюидов...

Ничего я не понял в этих словах, кроме одного – подвох какой-то наш господин замыслил.

Уселся лысый в кресло, а господин Алаглани подошёл к нему сзади, ладони положил на лысину и молча так постоял минутку. Нет, никаких заклинаний не читал, никаких имён не призывал. А вот кот – тот мяукнул недовольно. Раздражение выказал.

– Готово, высокородный господин. Всё настроено как надо. Соблаговолите расплатиться.

Лысый флакон тут же в поясной кошель упрятал, а насчёт денег сказал:

– Вам завтра же доставят мои люди! Видите ли, я предпочитаю не носить с собою крупных сумм. Времена беспокойные, смута на юге, ходят слухи о предстоящей большой войне с Норилангой... в такую пору лучше не рисковать. А вот завтра, да под надёжной охраной...

– Ну, как вам будет благоугодно, – поклонился господин самым малым поклоном. – Не смею задерживать. Да будет благосклонен к вам Творец Изначальный.

С тем и убрался лысый.

После него дама заявила. И этот случай, скажу я вам, поинтереснее.

Постучался Алай в кабинет и объявил:

– Господин, к вам почтенная дама, не пожелавшая открыть своё имя!

– Ну, проси! – ответил господин, вновь в кресло усаживаясь. Взял кота на руки, гладить начал. Тот мурчит тихонько, видать, доволен.

Я-то думал, какая красавица заявится, а эта... Не то чтоб уж совсем старуха, но к этому дело идет. Длинная, тощая, сухая вся какая-то и лицом на вяленую рыбу похожа. А уж расфуфырена, в разноцветных шелках, пальцы в золотых перстнях, на шее кольцо из камешков драгоценных, на голове причёска высокая и ленты, жемчугами расшитые. Наверное, думает, что красивая.

И с порога начала эта тетка ругаться. Почему это, мол, слуги здесь такие невоспитанные. Этот мальчишка, который ее встретил, совсем порядку не обучен, и хам-грубиян. На колени не встал, как вышколенному лакею положено, а главное, имя допытывался и кричал, что не велено к господину лекарю без имени пускать.

Интересно мне стало, что после господин Алаю скажет? Я бы на его месте ничего говорить не стал. Мало ли на свете выживших из ума старух?

Господин из кресла поднялся, к тётке этой подошёл, поклонился в пояс и в руку чмокнул. Рука-то в перчатке была – видать, не так противно.

– Сударыня! – сказал. – Прошу нижайше извинить меня за грубость моего слуги. Разумеется, я сегодня же его строжайше накажу! В этом не может быть ни малейшего сомнения. Но осмелюсь всё же поинтересоваться вашим благородным именем. Облик ваш мне незнаком, и мнится мне, что вы не из столицы.

– Истинно так! – проскрипела эта гримза. Прошу прощения, благородная госпожа. Только когда вы дальше дослушаете, тоже гримзой сочтёте. – Серьёзнейшие обстоятельства вынудили меня приехать из восточных провинций в стольный град. Мне вас рекомендовали... Вы, говорят, способны с любым делом управиться, а плату берёте умеренную.

– Ну, это не совсем соответствует истине, – господин чуть улыбнулся, и поди пойми, что он имел в виду: то ли про любое дело, то ли про умеренную плату. – Но верно ли я понимаю, что вы путешествуете инкогнито и не хотите открыть тайну даже мне?

– Незачем вам имя моё знать, – проворчала эта вроде как благородная госпожа. – Дело-то у меня к вам щепетильное, и хотя сейчас не Старый Порядок, но и молва ни к чему.

– Ну что ж, – вежливо произнёс господин, – прошу вас, присаживайтесь в кресло. Коли тайна имени столь важна для вас, то не смею допытываться. Но верна ли моя догадка, что вы женщина вполне состоятельная и способны оплачивать услуги соответствующего рода?

– Да уж договоримся, – буркнула она. – И прикажите подать вина!

Господин дёрнул шнурок, звякнул колокольчик и в кабинет вбежал Алай. Я так понял, что он где-то совсем рядом был, может, за дверью подслушивал, потому что тут же бухнулся на колени, причём сперва перед госпожой, а после уж перед господином. В сторону чулана он даже не посмотрел – умный, понял, что даже взгляд лишний может быть опасен.

– Принеси подогретого красного вина, – велел господин, – с пряностями и корицей! Да поживее, не то кое-кому сегодня будет очень больно и очень стыдно!

Метнулся Алай, и пока не вернулся, таинственная госпожа о деле своём не говорила, а жаловалась на тяготы путешествия. Дескать, дороги хуже некуда, в трактирах противно и останавливаться – в комнатах клопы, готовят скверно, прислуга грубая. Трижды карета ломалась, один раз лошадей менять пришлось, а главное – опасно стало на дорогах, разбойники шалят. Никто их, правда, пока не видел, но все знают, что их сейчас несметное множество, потому что война близится и бессовестные мужики, опасаясь призыва в войско, бегут в леса и промышляют там грабежом честных путников. Власти же местные ничего не делают, потому что ничтожества, трусы и выскочки.

Видно было, что не хочет она сразу о главном. То ли вина ждёт, то ли просто не знает, как начать.

Ну, Алай недолго копался – и пары-тройки минут не прошло, как прибежал с подносом. Господин его кивком отослал, дождался, пока госпожа серебряную чарку опорожнит, и напомнил:

– Так в чем же состоит ваше дело, сударыня?

Сударыня, значит, выпила, кружевным платочком губы утёрла – и начала рассказывать. Не стану вас томить подробностями – уж больно глупо да скучно было. Но суть такова: она уже немолода, и есть у неё молодой сосед, граф, родовитый, бедный да холостой. Ну и возникло у них знакомство, а там и пламенная любовь и всё такое прочее. И уж так он её любил, что и не передать. Но ещё с весны начала она, тётка то есть эта, замечать, что как-то уже охладело графское чувство. Стала вынюхивать, что да как, людей своих посылала разведать, ну и выяснилось. Завелась у графа молоденькая зазноба. Стерва, тварь подзаборная. Без роду без племени, трава поганая. И граф предается с ней гнусным утехам, а про любовь истинную, пламенную – с тёткой то есть – уже и подзабыл.

– Понимаю, сударыня, ситуация житейская, – сказал господин. – Но какой же помощи вы хотите от меня, скромного столичного аптекаря?

– А то сами не понимаете? – хихикнула тётка.

– Вы хотите получить от меня целебные снадобья, которые умили бы вашу душевную боль и восстановили бы прежнее, благостное расположение духа?

Мне показалось, он издевается.

– Что за чушь! – вскричала тётка. – Мне вас рекомендовали как сведующего человека.

Она так это слово «сведующего» произнесла, будто пальцами таракана сдавила.

– Прошу вас, выражайтесь яснее, – широко улыбнулся ей господин. – Ибо, как учит нас премудрый Памасиохи, многие беды происходят от того, что люди в важной беседе не до конца понимают намерения друг друга – и оттого делают ложные выводы и принимают опрометчивые решения.

Ну, она и выразилась. Вот слушайте, слушайте, почтенные братья, это уже прямо в яблочко будет. Короче, восхотела она соперницу свою извести. Но не так, чтобы травить или резать. Всё должно как бы само случиться. Или болезнь внезапная да скорогубящая (только не заразная и не отравление), то ли несчастье какое – потолок обрушится, лошади понесут...

– А я-то здесь при чём? – господин Алаглани аж руками развёл.

– Говорили мне, – шепнула тётка безымянная, – что вы *можете*. Что есть у вас такая сила, есть знания тайные...

Ох уж и жарко мне под тюфяком стало! От любопытства жарко: что ей господин ответит?

– Почтенная госпожа! – ответил он. – Боюсь, что произошло досадное недоразумение. Вы поверили ложным слухам – но я вовсе не чародей и никогда даже и в мыслях не прибли-

жался к этому мерзкому делу, безусловно запрещённому Высшей Волей и ещё в недавние времена сурово каравшемуся Праведным Надзором!

– Так я же заплачу! – заскрипела она и вытащила из-под корсета увесистый мешочек, позвенела им.

– Сударыня, – вздохнул господин, – уберите ваше золото. Прошу простить мою дерзость, но вы встали на ложный путь. Подумайте о своей бессмертной душе, не пятняйте её несмываемым грехом. Вы уже немолоды, скоро предстоит вам отправиться в тот путь, коего не избежать никакому человеку... не лучше ли попасть туда без крови на руках?

Ох уж она орала! Аж стёкла звенели и перья в чернильнице тряслись. А господин сидел напротив, кота гладил и ничего не ругань её не отвечал. А когда выкричалась она – и что так этого не оставит, и что с местом главного аптекаря заранее может он попрощаться, ибо стоит ей лишь слово шепнуть могущественным особам... и что издевается он над бедной вдовой – то вновь дёрнул он шнурок. Прибежал Алай, на всякий случай вновь на колени бухнулся.

– Проводи высокородную госпожу! – велел господин. – Да смотри, будь предельно почтителен с благородной дамой! Не то сам знаешь! Всего наилучшего, сударыня! Не смею более задерживать! Да хранит вас Творец Изначальный от всякого зла!

Ну и убралась тётка.

А я под тюфяком лежу – и слышу, как часы медным боем время отбивают. Шесть раз стукнуло. Скоро ужин. И меня, поди, Тангиль давно уж хватился. Что бы такое наплести ему!

Лист 11.

Продолжаю я рассказ о том длинном-длинном дне. Лежу я, как вы помните, в чуланчике под тюфяком, жарко мне, душно и боязно.

А господин всё сидит в кресле. Тут опять Алай скребётся.

– Господин, – говорит. – Там какая-то просится... На вид из простых, и одета худо. Звать?

Повернулся к нему господин.

– Раз просится – зови. Или ты забыл – я никому не отказываю в приёме.

Муторно мне стало, и глаза щиплет, и в ушах звон, и в животе льдина! Если с новой посетительницей он долго проваландается, то всё, гробовая крышка. Но посматриваю, конечно, в щёлочку.

Вошла в господский кабинет тётка, помоложе той гримзы, но вовсе не юная красавица. Лет, наверное, под сорок, платьишко до пят – серое, застиранное, на голове платок чёрный, чуть не по брови.

– Доброго вам здравия, господин Алаглани, – промолвила. А голос ничего, тёплый голос, не то что у предыдущей.

– И вам того же, сударыня!

Удивил меня господин. Ведь видно же, из низов тётка, посудомойка там или прачка, а он из кресла встал, поклонился – не так низко, как высокородной, а всё же поклон есть поклон, и в гостевое кресло усадил.

– Господин Алаглани, – сказала тут она, – я и не надеялась, что вы согласитесь меня принять. Я-то не из знатных, не из богатых. Муж мой покойный на заказ делал скрипки да лютни, а как помер в позапрошлом году, так и совсем обнищали мы, приходится заказы искать – шитьё, вязание... Но простите, я не об этом... Я...

– Могу ли я поинтересоваться, каково ваше почтенное имя? – перебил ее господин.

– Конечно! Прошу прощения, что сразу не представилась! Это от волнения! Меня зовут Анилагайи, я живу на Второй Ткацкой, возле базара нижегородского. Раньше бы сказала – в собственном доме, но дом пришлось продать после смерти мужа, и мы с сыном, Хаузири, комнатку теперь там же снимаем, где раньше владельцами были. Хаузири – старший мой сынок, единственный, кто после мора выжил, помните, пять лет назад? В народе ещё шептались, это нам за то, что короля низложили. Ему, Хаузири, семнадцать лет... и я к вам обратилась как раз из-за него... о нём...

И тут она разрыдалась. Ну, вы же знаете, мне много чего повидать случилось, и видел я, как режут женщины. Очень разные у них рёвы бывают. Кто-то – чтобы пожалели, слёзы в три ручья, а сама глазками посматривает: как там, обратили внимание? Кто-то – тоже для жалости, но не для других, а чтобы душа упивалась жалостью к самой себе. Удовольствие такое, значит. Кто-то просто чтобы, как говорится, пар сбросить, раздражение своё наружу выплеснуть. Поревела – и спустя минуту уже как розочка в саду. А кого-то глухое, неизбывное горе крутит, и не думает она в тот миг о самой себе – горе это через неё само плачет. Ладно, вы не думайте, это не я такой мудрый, это меня давно ещё брат Аланар просветил.

Так вот, из этой горе плакало. И смекнул, видимо, то господин Алаглани, не перебивал и не утешал.

– Простите меня, – сказала она, когда всё-таки сумела с собой сладить. – Дело в том, что сын мой Хаузири сейчас сидит в подвалах Башни Закона, и скоро уж, на праздник Одержания, должны его повесить...

И пошла рассказывать. Больше уже не рыдала, только плечи малость тряслись. Понятная, в общем, история. Ворвалась в дом стража, ничего не пояснив, увели парня, и уж потом

узнала эта вдова, что третьего дня до ареста ограбили на улице господина Лиарамилля, члена Городского Собрания. Сзади навалились, дали по голове колотушкой деревянной, в два слоя холстины обёрнутой. Такая убить не убьёт и кровищи после себя не оставит, а человек мигом сомлеет – срезай с него кошель, снимай одежду... Так с этим почтенным господином и получилось. Шёл он один, и поздно, вторая стража уже отзвенела, да и по кварталу бедному, неподалёку от базара, где амбары складские, а дальше – слобода гончарная. Что уж его туда занесло, какая надобность – о том, конечно, вдове не сообщили. Но только сыскарям велено было кровь из носу, дым из ушей, а разбойников отыскать, ибо большой человек этот Лиарамилль, и гневается из-за него шибко сам гражданин Благоуправитель!

И вот кто-то стукнул в сыск, что видели парнишку этого, Хаузири, среди супостатов. Кто на него показал, сие тайна следственная, как вдове передал Тугаль, слуга начальника сыщиков, доблестного Шапараи-гуни. А весь тот день, когда ограбление случилось, и день до того, и после сынок её Хаузири дома был, лихорадка его замучила, он частенько ею страдает после мора... Кинулась, конечно, вдова в сыск – мол, невиновен сынок, дома он был, и я тому свидетельница, и хозяин дома подтвердить может – а ей от ворот поворот: мол, все разбойники уже пойманы, и все, в том числе и сынуля твой, сознались. Ну, вы понимаете, конечно, как такие признания делаются, не мне вас учить... А по закону-то всё чисто, и куда деваться? С жалобой к Благоуправителю? Да её из Белого Дворца палками погонят, а то и сторожевых собак спустят. Всего их пятеро оказалось, задержанных да признавшихся. И суд уже был, строгий да скорый, как при Новом Порядке и положено... Всех на петлю осудили.

– Это очень грустная история, сударыня, – вздохнул тут господин. – Да только я-то чем могу помочь? Я всего лишь лекарь, целитель недугов телесных, а тут дела иного рода...

Вздыхнула тут поглубже вдова Анилагайи – да и брякнула:

– Мне шепнули, что вы можете спасти. Что нет такой беды, с которой не совладали бы искусством тайным...

Усмехнулся господин в усы, спросил:

– И кто ж это, позвольте поинтересоваться, вам шепнул про меня?

Помолчала тётка, точно решаясь на что-то, потом ответила:

– Итануйи, жена Мигисахи, торговца зеленью. Я для неё шью порой... Вот она и посоветовала. Только смотри, сказала, не болтай о том никому. Сейчас хоть и не при Старом Порядке, а мало ли...

– Вот как... Мигисахи... – протянул господин. – Да, знаю я Мигисахи, года три назад лечил его от почечных болей... И что, сейчас он в добром здравии?

– Весел да румян, – отозвалась вдова. А сама – тусклая да бледная. Понятное дело – шла сюда с надеждой последней, а тут, похоже, ничего ей и не светит...

– Румян, значит... ну-ну, – господин помолчал, точно припоминая что-то. – И вы, почтенная Анилагайи, думаете, что я могу вам помочь... А ведь и в самом деле могу. Только поймите – дело это для меня непростое, а значит...

Посветлела она, будто в тёмной комнате лучинку зажгли.

– Да, конечно, понимаю! – и откуда-то достаёт пестрядевый мешочек. – Тут все мои сбережения... Их немного, восемнадцать огривов...

Господин аж скривился.

– Сударыня! – сказал голосом, как рашпиль жёстким. – Уберите ваши деньги. Во-первых, я вполне обеспечен и за подобного рода услуги не беру серебра. Во-вторых, я ещё не сказал, что помогу вам. Я сказал, что *могу* помочь. Теперь мне надо подумать и решить, следует ли это делать. Сами посудите, я сочувствую вашему горю, но вы же втягиваете меня в политическую авантюру. Поверьте, мне очень много есть чего терять в случае неудачи... да и в случае удачи тоже, если всё это когда-либо выплывет. А для того, чтобы принять окончательное решение, я должен удостовериться, что вы были со мной предельно откровенны.

Помолчите, не перебивайте. Здесь не такое дело, чтобы верить или не верить. Здесь надо точно знать. И есть для того способ. Но предупреждаю: способ сей опасен.

Он встал из-за стола, снял с пояса связку ключей, отпер верхний правый ящик своего стола и достал оттуда тот самый изумруд на золотой цепочке.

– Послушайте, сударыня, – сказал он. – Когда человек говорит и даже когда молча думает, его душа испускает невидимые флюиды... проще сказать, испарения. Когда говорит правду, то флюиды это одного рода, когда же он лжёт – другого. Сей камень обладает редкостным свойством – он улавливает флюиды лжи и, многократно усилив, обращает в душу того, чьими флюидами напитался. Если вы когда-либо видели выпуклую стеклянную линзу, то знаете, должно быть, что падающие на неё солнечные лучи она сводит в крошечное пятнышко, и пятнышко это делается столь горячим, что зажигается пламя. Так и здесь: если вы скажете неправду, то направленные на вас флюиды сводятся в точку и могут лишить вас разума, а то и жизни. Флюиды же правды камень не ловит, и потому от правды никакого вреда не будет. Готовы ли вы подвергнуться испытанию? Если нет – мы немедленно расстанемся, причём вы обязуетесь никому не рассказывать о нашей встрече. Нарушать такое обязательство не советую – сами, надеюсь, понимаете, почему. Если же вы испытание выдержите – значит, я попробую вам помочь. Заметьте – попробую, а не обещаю непременно победу.

– Конечно! – стиснула она правой рукой пальцы левой. – Я сказала вам подлинную правду и готова пройти любые испытания.

– Хорошо, – усмехнулся господин. – Тогда оставайтесь в кресле. Я встану за вашей спиной, приложу камень к голове и буду задавать вопросы. Если вы солжёт, камень покраснеет, и мы немедленно прервём наш опыт. Может быть, в этом случае удастся хотя бы частично сохранить ваш рассудок.

Так они и сделали. Встал он за креслом, взял цепочку с камешком, поднял чуть выше её головы. Мне отлично всё было видно – кресло гостевое стояло как раз напротив двери в чулан.

– Вас действительно зовут Анигалайи, вы действительно живёте на Второй Ткацкой? Отвечайте лишь одним словом. Да или нет?

– Да! – громко сказала она. Камешек оставался зелёным.

– У вас действительно есть семнадцатилетний сын Хаузири?

– Да!

И вновь камешек ни во что не окрасился.

Короче, сколько он её ни допрашивал, а камень как был зелёным, так им и остался. Видно было отлично – солнце скрылось за тучкой и лучи его не мешались. А я ещё подумал тогда: не приведи Творец, чтобы господин меня вот так через камешек допрашивал. Ужас ведь что выйдет... Если, конечно, камешек и впрямь зачарованный, а не обман всё это. Сами понимаете, братья, и такой расклад я исключить не мог.

– Ну что ж, сударыня, – наконец сказал он, когда все вопросы, какие только можно тут было измыслить, у него кончились. – Вы испытание выдержали. Я берусь попробовать вам помочь. Как именно я это сделаю, знать вам незачем, но только завтра в полночь вам надлежит быть за восточными городскими воротами, на первом же перекрёстке, где от восточного тракта отходит дорога на север. Там вас будет ждать крытая повозка и возница. И там же вы получите вашего сына. Возница доставит вас в провинцию Тхаалаш Северного Удела, там вы в городе Тмаа-Тхаалаш найдёте человека, коего звать Ишигури. Это тамошний аптекарь. Ему отдадите письмо, которое я сейчас напишу. Он переправит вас с сыном за границу, в Миагардалайю. Там уж сами устраивайте свою судьбу. Надеюсь, прикопленного серебра на первое время хватит. Благодарить меня не надо, я следую своим представлениям о правильном пути.

Он убрал камешек в тот же ящик, запер его и сел за стол. Кот всё это время обретался на книжном шкафу и посверкивал оттуда глазами – огромными, точь-в-точь как тот камешек.

– И вот ещё что, сударыня, – добавил он, наскоро нацарапав несколько строк на листке бумаги, сложив его в два раза и запечатав растопленным на свечке сургучом. – Если у меня не получится, то на перекрёстке вы просто никого не найдёте, и утром, когда откроются ворота, вернётесь в город. Значит, не судьба. В таком случае более ко мне не приходите, а молитесь Изначальному. Вот, держите письмо, и более не смею вас задерживать! Мне ещё предстоит много работы по вашему делу.

Ушла вдова, а господин всё из кабинета не выходит. Значит, и мне приходится под тюфяком таиться. А у меня, между прочим, горе намечается. Отлить мне понадобилось. И то слово – я ж с послеобеда тут, в чулане, а время к ужину клонится... и если приём у господина затянется, то что мне делать?

Проводив до двери вдову, господин снова в кресло своё вернулся и долго-долго сидел, вообще ничего не делая. Только кота гладил. И показалось мне, что как-то невесело ему. Меня бы даже на жалость пробило, не будь я так своим мочевым пузырьём озабочен.

А господин меж тем достал стопку чистой бумаги, макнул в серебряную чернильницу остро очинённое перо и начал что-то писать. Но не так, как только что, когда для вдовы записку накарябал, а аккуратно, медленно. Небось, изысканным почерком «горная цепь». Там уж прямо буковка к буковке, ни на волосок не отклоняясь. Ну, знаете, короче. А я лежу, мучаюсь... Да, разумеется! Ну как вы могли сомневаться? Конечно. Молился я, уповая на Изначального Творца. Молюсь, уповаю, а сам прикидываю: если больше посетителей не будет и он быстро с писаниной своей разберётся, то, наверное, ужинать пойдёт. Вот тогда-то я и улизну. Одна беда – в это время ведь и у наших будет ужин, и заметят все моё отсутствие.

Но недаром молился я Высшей Воле, и снизошла она, сотворила чудо – не больно-то само по себе весёлое, но крайне в тот миг полезное.

В кабинет Алай ворвался. Вы поняли? Не постучался, не поскрёбся, а именно что ворвался. Весь запыхавшийся, глаза горят.

– Господин! – кричит. – Прощения прошу, но беда у нас стряслась!

Оторвался господин Алаглани от бумаг, посмотрел на него кисло:

– Что ещё за беда? Ты соображаешь, что творишь, от дела меня отрывая? Про почтительность напомнить?

– С Тангилом беда, господин! – зачастил Алай. – Лошадь ему руку откусила! Ну, та кобыла новая, что на прошлой неделе вы купить изволили! Дурная какая-то. Он её вычищал скребком, а она раз – и... он так заорал, что Хайтару услышал со двора... Кровищи там...

Господин новых слов говорить не стал, а из кресла поднялся, кота за собой поманил – и быстро из кабинета вышел. Не побежал, но двигался очень быстро. Это ж надо уметь... очень похоже на воинскую выучку...

Я для верности выждал, когда шаги его на лестнице смолкнут – и как дунул из кабинета! Словно за мной враг человеческого рода сего со всеми своими служебными демонами погнался!

И успел! В самый последний миг, когда уж, казалось, потечёт из меня – а успел, добежал до отхожего места.

И снова мне повезло – ужин, оказывается, ещё не начинался. А если Тангиль моё долгое отсутствие и заметил, то теперь уж точно не до меня ему было.

Да, насчёт Тангиля. Руку ему, конечно, никакую не откусили, это Алай преувеличил. А цапнула его кобылка да, знатно. Кровищи и впрямь чуть не лужа. Кроме того, упал он после укуса и затылком о край кадушки стукнулся, отчего в беспамятство впал. Ну, господин немедля велел нести его в лабораторию, потом Халти при себе оставил, а остальным велел ужинать идти. Между прочим, ещё посетители оставались – девица благородного

вида, немногим, может, меня старше, в шляпке с фиалкой приколотой, и какой-то тощий сморчок, одет либо как приказчик из богатой лавки, либо как владелец из мелкой. Им Алай почтительно передал, что приём на сегодня отменяется, что господин просит извинить его и прийти дня через два-три, до той поры шибко занят он будет.

Невесело прошёл у нас ужин. Молчали все, каждый, небось, про Тангиля думал. Хоть и был он с нами строг, а всё ж свой, и жалко его вдвойне. И по-простому, по-человечески, и как вероучение нам велит всех страдающих жалеть мыслию, словом и делом. Хоть и Новый Порядок, и дела всем вам известные, а вера-то в людях ещё осталась.

Поели мы – да и остались сидеть за столом во дворе. Солнце уж закатилось, небо чистое-чистое, рыжева так в синеву переходит, что и не поймёшь, где одно начинается и где другое кончается. Сад ещё листвы не сбросил, осень только пришла, и выдалась она тёплой. Где-то вдали птица белокрылка свиристит. А у нас у всех на душе как будто стая крыс напа-костила.

Потом из дома Халти вышел. Сказал, всё с Тангилем хорошо будет, в сознание он пришёл, рану ему обработали, швы наложили, целебными снадобьями накачали, так что заживёт через месяц-другой вчистую. Хвала Творцу, ни кости не пострадали, ни жилы. А так да, до мяса порвала. Уж что ей не понравилось? Вроде обычная была лошадка, без придури... Теперь её продать придётся, нам такие сюрпризы ни к чему... Удар же о кадушку нехорош, конечно, мозги сотряслись, но если недельку полежать, то всё пройдёт.

Тем этот день и кончился. И тут я прервусь, ибо сдаётся мне, что всем нам, почтенные братья, пора на вечернюю трапезу.

Лист 12.

Поразмыслил я ночью и понял: великий предстоит мне день. Если не обманул вдову господин Алаглани, если и впрямь поможет ей – то этим и подтвердится наша догадка. Это уж будет твёрдо установленное. Ибо человеческой силой такое сотворить невозможно – из Башни Закона узника никак не вынуть, разве что атаковать большим войском. Так это надо вообще целую армию на столицу вести... Стражу не подкупишь – знаете же сами, отборная там стража. Высокое Собрание-то помнит, как нынешние вожди его девять лет тому назад из башни бежали, и сколько это стоило серебряных огримов. Так что как низложили короля и Новый Порядок установился – всю тюремную стражу заменили и за новой учредили строжайший пригляд. Ни к чему им, чтобы кто-то сотворил то же самое, что некогда сподвижники ихние. Впрочем, вы лучше меня всё это знаете.

Конечно, нельзя было совсем уж не брать в расчёт иную догадку: что обманул её господин, что не станет он ей помогать, а будет, по обыкновению всех мошенников, тянуть из неё огримы да обещаниями кормить. Но, по правде сказать, мысль эта показалась мне совсем уж глупой. Вдова-то про сбережения свои сказала честно, и ничто господину не мешало тотчас деньги у неё забрать, в плату за помощь. Больше, чем в том узелке, у неё всё равно не вытянешь, последнее собрала. И потому какая же в том выгода, чтобы обманывать её? Подумал я и то, что, может, ему не серебро надобно, а тело её женское? Но ведь немолода уже, и не сказать чтоб красива, и разве господин бы лучшей не нашёл?

Да, я прекрасно понял ваш вопрос. Нет, всё то время, что я в доме у господина Алаглани провёл, женщин он к себе не водил, а те, кто приходили на приём – так приёмом всё и ограничивалось. Потом-то выяснилось, но об этом, братья, я поведаю в своё время. Кстати, слышал я от Халти, что за два года до меня был в доме старшим некто Пиалай, и влюбился он в девчонку с нашей же улицы. Заутинайи её звали. Служанка у лавочника Амиарги, всякой рухлядью торгующего. И стали они с Пиалаем в саду господском встречаться, и дошло у них дело до телесного соития. И застучал их на том господин. Как прознал? О том есть у меня догадка – стукнул кто-то. Может, сам Халти и стукнул, потому что по словам его легко можно было понять: крепко не любил он Пиалая. В общем, было крику и шуму! Девчонку ту хозяин её, лавочник, поучил, а вот господин наш Алаглани Пиалая не стал драть – а отправил на телеге. Прикиньте – парню уж всего-ничего прослужить оставалось, а вмиг всё рухнуло, и что с ним теперь, и на каком он свете – поди пойми... Старшим вместо него Мианаху стал, ровесник ему был, а через год Мианаху получил мешочек с серебром и рекомендательное письмо, а старшим сделался Тангиль...

Спрашиваете, как же я проверил насчёт вдовы? Потерпите, и до того речь дойдёт, а сейчас я по порядку всё излагаю.

Итак, начался день как обычно. Позавтракали мы – без Тангиля, ему Амихи поесть принёс в лабораторию. А уж после обеда его в людскую перенесли. Господин Алаглани сказал: не меньше недели ему лежать, да и потом осторожным быть надо, руку не перетруждать. Спрашиваете, а кто ж на время болезни Тангиля лошадьми занимался? Это дело поручили Хайтару, уж коней-то почистить, корму засыпать, воды в кадушки залить он сумеет, а с упряжью ему Халти помочь должен.

Потом я собирал рысь-траву и раскладывал в сарае на просушку – дело долгое, кропотливое. После обеда возился на грядках, осень же началась, что-то надо убирать, а что-то, наоборот, сажать, и под будущие посадки навоз вносить, перекапывать так, чтобы поровну с землёй смешался.

Ну, конечно, улучил я всё же минутку с Алаем повидаться и от него узнал, что после завтрака господин засел у себя в кабинете, стал разные письма писать. Долго писал, а Алай

в чуланчике ждал, не понадобится ли. Потом кликнул его господин, велел Халти позвать. И поручил он ему, Халти то есть, срочно разнести эти письма в город, по адресам. Сильно я тогда пожалел, что не мне это приказали.

После обеда Халти вернулся, поел отдельно на кухне, стал работы проверять – пока болен Тангиль, ему, как самому из нас старшему, пришлось на себя начальство взять. А господин, по словам Алая, в лаборатории заперся и был там до ужина. Кстати, кота своего любимого с собой взял. Вот хоть убей, не пойму, чего этой рыжей бестии в лаборатории делать? Мышей разве что ловить? Так ведь говорил я уже – кот наш равнодушен к мышам. Впрочем, у нас мышей-то и не водится. То ли запах кошачий чувят, то ли господин наш лекарь знает против них какое-то сильное средство.

Вышел господин из лаборатории только к ужину, мрачен был, по словам Алая. Отругал его, что чернила в чернильнице несвежие и перья плохо заточены, что пыль на оконном стекле, что воздух в кабинете затхлый. В общем, придирался – а с ним такое редко бывает. Он вообще, как думается мне, из тех, кто долго терпит всякую мелочь, но уж если круто натворишь, круто и получишь. Как вот я тогда за чуть не сгоревшее травохранилище.

После ужина сидели мы, как обычно, в людской, в камешки играли. Я сам играть не стал, рукой лишь махнул – утомился, мол, сильно, голова тупая совсем. Лёг на свой тюфяк и принялся ждать, когда же закончат они. Хорошо хоть, осень уже наступала, темнеть пораньше начало, а поскольку жечь в людской свечи нам запрещалось, то вскоре уже и камешки пришлось кончать. Боялся я, что начнут ребята всякие истории рассказывать, это могло надолго выйти. Но повезло – вскоре начали все ложиться. То ли настроения болтать не было, то ли потому, что Алай в чуланчике ночевал, а не с нами. Он-то первый из нас рассказчик, его не останови – так он до утра может всякие книжки пересказывать.

Почему я так волновался? Да потому, что времени у меня не слишком много оставалось. Сами судите – когда окончили мы ужинать, почти восемь было, и затем ещё эти камешки... Да и теперь к тому же следовало хоть малость, а выждать. То есть на всё про всё – меньше двух часов, а столько всего следовало успеть!

Подождал я, пока по дыханию ребят не убедился, что дрыхнут они. Тогда тихонько поднялся и из людской шмыгнул. А не все, оказывается, спали! Вслед мне сонный голос Халти донёсся:

– Ты куда, Гилар?

– Куда-куда? Срать! – я нарочно грубо сказал, чтобы обыкновеннее всё звучало. – Или мне прямо тут кучу наложить?

И, не дожидаясь его ответа, выскользнул в коридор. А там уж – и из дома.

Да, вопрос очевидный. Входная дверь, конечно, запиралась изнутри на засов, и если ночью выйти приходилось, то шли в конец коридора, в отхожее место. Но там, в отхожем то есть месте, окошко было, считалось, что забито оно наглухо. С этим окошком я ещё летом разобрался, и теперь оно легко открывалось. Так я выбрался из дома.

Само собой – в одном исподнем. Мы ж не в штанах и рубахах спали, нечего одёжку портить, лишним потом пропитается, чаще стирать придётся. Конечно, зябко было. Хоть и начиналась только осень, и днём теплынь стояла, а ночи-то уже холодные. Так что скакали по коже мурашки. Но знал я, что недолго мне зябнуть.

На дворе тихо-тихо было! Небо совсем чёрное, звёзд высыпало видимо-невидимо, и все яркие. Всё равно как летом ягоды в бору сосновом, тут и там алеют в траве. А здесь не в траве – в черноте бездонной. Умом-то я понимаю, что не ягоды это. Когда матушка была жива, говорила она мне, что это глаза ангельские, надзирают они за нами, людьми, правильно ли живём. А брат Аланар мне разъяснил, что ангелы невидимы, а звёзды – это дырочки в небесной тверди, и льётся сквозь них свет Изначального Творца. Только всё одно

у меня на ягоды мысли сворачивали. Может, оттого, что очень уж давно никаких ягод не ел. Только на базаре видел.

Вообще-то не так уж хорошо, что звёзды. А ещё хоть одна луна выплыви – совсем уж худо бы пришлось. Самое-то лучшее – если дождь с ветром. Для дела моего погоду лучше и не выдумать. Хотя потом и простыть можно, если не подействуют здешние отвары.

Разумеется, я к воротам не пошёл. На что мне ворота? Они изнутри на засов заложены, а засов замком крепится, и ключ от замка – у господина. Зачем такие сложности?

А пошёл я в сад, миновал лекарственные грядки, миновал кустарники и яблони, вывернул на тропинку меж двух рядов густого шиповника. И вывела меня тропинка к дальней калитке, за которой начинается спуск в тот полезный овраг.

Спустился я осторожно на самое дно, но не уберёгся – крепко меня крапивой обжалило. Хоть и осень, да крапива ещё в силе, ещё и не думает вянуть. Всюду осень, а тут, в овраге – лето.

Ну, думаю, вы уже сообразили. Схрон у меня в овраге был, как только появилась возможность в город ходить – так и обустроил. Понятно, что на всякий случай – не знал, когда доведётся воспользоваться, да и доведётся ли.

Спрашиваете, когда же я успел, если времени у меня на покупки немного было, а до базара в Нижнем Городе путь неблизкий? А кто вам сказал, будто я на Нижнем Базаре всё покупал? Я рядом брал, у того самого лавочника, куда до меня Амихи с Гайяном всегда ходили. Да, дорого, ну так ведь мне с ценами считаться незачем, денежки в нам с вами известном месте не переводились. Так что пока повара наши думали, будто я за каждый грош на базаре собачусь, я тут поблизости крутился и разные дела обделывал. Вот схрон, к примеру.

Нет, никто бы его не нашёл. Туда, почти на самое дно оврага, никому нет смысла лазить. Да тут вообще никто не бывает. Нет тут ничего полезного – одна крапива, бурьян да колючие кусты горехвата. Ну, понятно, что не просто на дне схрон, а спрятан по-умному. Кто не знает – в упор глядеть будет, а не дотумкает.

В общем, взял я одежду подходящую к делу – чёрные штаны, чёрную же рубаху, где к вороту наголовник нашит, чёрные же перчатки из тонкого шёлка. Обулся в башмаки деревянные, но толстой свиной кожей подбитые. Взял, понятное дело, то, что и следовало взять на непредвиденный случай. Хотя если на такой случай чего берёшь – он, случай, уже, выходит, предвиденный. Я так считаю.

Ну, снаряжился я – и бегом к стене городской. Времени уже не так много осталось, а восточные ворота далеко, дом господина Алаглани, как вы знаете, в северной части города. Хорошо хоть лазейка под стеной, мне да некоторым из вас известная, не так уж далеко была, и после того, как очутился я за стенами, не пришлось мне крюк делать. И помчался я что было духу к восточному тракту. Едва поспел к тому месту, о котором господин говорил – где от большой дороги малая отходит к северу.

Как успел? А я, почтенные, быстро бегать обучен. Тут главное – не сила ног, а дыхание умное. Брат Аланар много ведь со мной занимался, всяким штукам наставлял... что и пригодилось, как видите.

Темнота? Да не такая уж и темнота, это ж только когда я из дому вышел, мне небо чёрными чернилами помыслилось. А потом глаза приноровились. Ну и ещё одна малость, не скрою – я из нашего травохранилища сушёный лист ветродуя стащил, а в тот день перед ужином минутку улучил, растолок, в воде колодезной размешал и тем средством в глаза себе капнул. Как некоторые из вас знают, средство это действует не сразу, часа через три-четыре только, и ненадолго – часа на два. Но зато на эти два часа даёт кошачье зрение. Потом, правда, голова болеть будет, ну так для пользы дела чего ж ей не поболеть.

Ладно, ближе к делу. Успел я вовремя, вдову минут на пять всего обогнал. На пересечении дорог – пусто. Никакой обещанной повозки. А издали видна фигурка, едва темнее

неба. Она, вдова, подумал я – и угадал. Когда ближе подошла, убедился в том. Узелок при ней – хотя даже не узелок, а вполне такой приличный узел, по всему виду – самое ценное захватила.

Где я находился? Лежал в кустах, в десяти локтях от края дороги. Веточки чуть раздвинешь – и почти всё видно, а вот тебя никто не увидит, особенно когда дело ночью безлунной, а сам ты весь в чёрном.

Пришла вдова на перекрёсток, заозиралась. Где ж обещанное? Никак обманул её господин лекарь? Или не сладилось у него? Нетрудно было понять, какие мысли у неё в голове крутятся. Потому что в моей голове они тоже крутились. И чуял я, что колеблется она – то ли уйти, то ли подождать ещё чуток.

И вот тут-то всё и случилось. Сзади, со стороны города, часы начали полночь бить. Слышно было не очень хорошо, всё-таки мы от стены дальше тысячи локтей находились, да и часы-то на главной башне, а не на стене. Но всё-таки услышать можно.

Вдова к стене городской обернулась – ну, понятно, когда звук важный слышишь, всегда на стараешься к нему лицом. А я от вдовы взгляд не отрывал. Когда же двенадцатый удар гулко раскатился под ночным небом, вспыхнуло что-то – и гляжу я, повозка рядом стоит. Крытая просмоленным полотном – никакой ливень такое не промочит, трое коней впряжены, масть не разобрать, но поскольку едва заметны, то уж ясно – не белые. На облучке мужичонка низкорослый, в колпаке высоком и с бородой едва ли не до пупа. Во что одет, не разглядел.

А главное – перед повозкой парень долговязый. Кроме того, что долговязый, ничего я увидеть не сумел, зато сумела вдова. Взвизгнула радостно, бросилась ему на шею, узел свой выронив. Ну, значит, и впрямь сынок-узник.

А возница им ладонью: мол, не мешкайте, лезьте в повозку. Они и послушались. Парень этот мамашу свою сперва посадил, а потом и сам через борт перевалился. И заметно было, как это трудно ему, слышал я, как присвистывает от боли. Оно и понятно – признание-то, как понимаете, в Башне Закона выбивать умеют.

Как забрались они внутрь, возница молча коней стегнул – и без звука понеслась повозка. Никогда я не видел, чтобы кони сразу такую скорость набрали, без разбега. Минута, другая – и вот уже только отдалённый цокот копыт слышен, а скорости и тот заглох. Тёмно, тихо, пусто. Один я в колючих кустах лежу.

Вот так оно и обнаружилось, доказательство. Установленное твёрже некуда. Теперь уже точно мог я говорить, что чары это. Почти всё ведь можно к простым вещам свести, но вот повозку эту, из ничего взявшуюся, иначе как чарами не объяснить. Получил я в ту ночь ответ на первый из двух главных вопросов. Ответ: да! Теперь осталось на второй ответить: как?

Ну, про обратный путь рассказывать нечего. Всё легко да гладко прошло, за одним малым исключением. То есть тем же путём вернулся я в город, разделся в овраге, перелез через калитку в господский сад, сквозь окошко, в отхожем месте отворённое, в дом вернулся.

А малое исключение – это что крапивой меня знатно обстрекало. И ладно бы только ноги да руки – одежда прикроет. Но ведь и лицо, и ладони, и шея... Вот что мне придётся объяснять, коли спросят?

С этими мыслями забрался я на свой тюфяк и преспокойно уснул, хотя ещё за минуту до того мысли о крапивных укусах мне покоя не давали. Но недаром же в народе говорят: вечер глупее утра.

Лист 13.

А как проснулся я утром, так едва глаза разлепил. Голову ломит, горло пересохло, точно три дня без воды в пустыне шатался, в ушах звон. И тело всё зудит и ноет. Похоже, переусердствовал я накануне с листом ветродуя, не ту меру взял, что учили. Да и крапива своё злое дело сотворила.

Вспомнил я, как учил меня брат Аланар: опережай неизбежное. Потому толкнул я Хайтару – его тюфяк рядом с моим был, и шепнул хрипло:

– Слышь, чё-то худо мне... Встать не могу, башку сверлит и чешется всё... Чё-то стряслось со мной.

А это как раз было, когда Халти, замещая старшого, вставать нам велел. Я, хоть и болело у меня всё, не утерпел – взглянул на Тангиля. Ему-то подниматься не надо – длится покуда его лечение, и еду ему сюда, в людскую, приносят. И почудилось мне, что недоволен Тангиль, как Халти старшого из себя строит. Уж не боится ли он, что Халти постоянным старшим сделают и вместо него зимой отпустят?

Но мысли мыслями, а дела делами. Хайтару кликнул Халти, да и другие ко мне подбежали. Вопросы стали задавать разные, большей частью глупые. Халти, будто лекарь великий, язык мне велел высунуть, потом за руку взял, пульс щупал. «Ничё не понять», сказал и велел Дамилю за господином бечь.

Вскоре и господин пришёл. Думал я, что будет он таким же мрачным и нервным, как вчера, что раскричится и объявит меня притворой. Нет – весел был и добродушен. Прямо будто другой человек.

Присел он рядом со мной, оттянул веко, положил ладонь на лоб, а после стал кожу мою, от крапивы пострадавшую, изучать. Ногтем линии чертил, кончиками пальцев мял. Велел рот открыть и понюхал.

Лежал я и ждал его решения. И ладно ещё, если скажет, что притворяюсь я больным, из-за лени да хитрости. При таком раскладе чего мне бояться? Разве что порки, да и то сомнительно... Но вдруг догадается: бегал я куда-то ночью?

Повезло мне – сказал он, что где-то я крапивную лихорадку подцепил. То ли съел чего-то несвежее (напряглись наши повара при этих словах), то ли кошмар мне приснился. Демоны сна, сказал, могут человеку ужасы показать, которые наутро он и не помнит, а через те ужасы и телу повредить. Ибо тело не отдельно от души живёт, а единою жизнью с нею. А почему лихорадка крапивной называется – потому что прыщи выскакивают вроде тех, как если б крапивой обстрекало. Сказал, что болезнь сия неопасная и незаразная, что к вечеру я уже здоров буду. А сейчас он лечить меня станет.

Кликнул Халти, велел ему мазь тигрового листа принести. Я и не слышал про такую. И ещё отвар из белодольника – про тот слышал, жар он сбивает.

Потом, когда вернулся Халти, велел мне господин встать, догола раздеться, и начал меня мазью этой мазать. Долго мазал, тщательно – от пяток до подбородка, полфлакона извёл. Сказал – потерпи, скоро слегка пощипывать станет. И покуда не начнёт щипать, надо мне стоять или сидеть, но не ложиться, а как начнёт – можно и прилечь. До ужина мне разрешено тут, в людской, остаться, завтрак и обед мне, как и Тангилю, принесут. А вот на ужин я и сам прийти смогу, ибо нечего тяжко больным себя воображать.

С тем и ушёл он, и ребята ушли. Одни мы с Тангилем остались.

И вот тут оно и началось! Когда мазал меня господин, я ничего и не чувствовал, кроме прикосновения его осторожных ладоней. Потом потеплела кожа, а дальше – больше. Начало припекать, а потом и вовсе жечь, точно в костре! И всюду, кроме головы – всюду, где намазано было! Почудилось, будто меня живьём жгут – такая боль накатила! Вспомнился мне

дядюшка Химарай – когда тот лупил, казалось, что уж больше и быть не может. Может, да ещё как! Я стоять не смог, бегать начал из угла в угол. А Тангиль со своего тюфяка посмеивается:

– Что, впервые с тигровой мазью познакомился? Ну так терпи теперь. Крепкая штука! Видать, озлился на тебя за что-то господин, коли ею намазал. От крапивной лихорадки можно ж было ещё и мазью из чёртова корня, от того никакой боли. Хотя и действует не так скоро, за три дня с него лихорадка проходит. Что ж ты такого сожрал, а? Вроде бы ешь всё то же, что и остальные? Или что-то утянул из кладовых?

– Сказано ведь, – ответил я, – ночной кошмар. Вот мне и ночной кошмар приснился.

– И какой же? – любопытствовал Тангиль. Скучно ему тут, на тюфяке, было, вот и дал языку волю.

– Приснился мне господин наш, – протяжно заговорил я. – Будто стоит он на высокой горе, в том халате своём чёрном, только перетянут халат поясом, а на поясе – ножи металлические. Глаза у него прищурены, смотрят насмешливо. А мы все у подножия горы стоим, кругом, друг друга за руки держим. И хоть высока та гора, а всё равно виден он нам, точно в паре шагов. Стоим мы, значит, все – и нынешние его слуги, и те, кто раньше ему служил. Вокруг вечер уже, солнце почти село, только самый краешек над горой краснеется. А господин снимает с пояса нож – и кидает вниз. Впился тот нож в Дамиля – прямо в горло. Хлынула кровь, рухнул Дамиль на камни – и пропал, будто и вовсе не было. А мы заново руки сцепили, и уже стал наш круг. Потом господин кинул другой нож – и Халти прямиком в глаз. И тоже не стало Халти. Следующим Гайян стал, а за ним и братец его Амихи. Потом, уж извини, в тебя ножик прилетел. Точнёхонько в сердце вонзился. Всё меньше нас становилось, и вот уж Алая прирезало. И чую – сейчас мой черёд настанет. Оглянулся – а сзади стоит чёрная телега, и свалены на ней трупы тех, кому ножик достался господский. Лошадей нет, просто телега. А господин мне сверху рукой кажет, чтобы, значит, поближе я подошёл. И такой жутью меня обдало... Тут-то я и проснулся, а уже утро, и болит всё.

Язык у меня, как вы знаете, без костей, но этот сон я не от начала до конца выдумал. Было дело, видел я господина Алаглани на горе, а мы все, сцепившись за руки, под горою стояли. И тоже солнце за горизонт опускалось. Только не кидал он в нас ножики, а ходил меж нами его безымянный кот, мурлыкал, об ноги тёрся, но было от того в груди холодно и тревожно. А про ножики я сочинил, чтобы послушать, как Тангиль на то ответит.

– Дурной у тебя сон, – ответил Тангиль. – Видать, и впрямь от беса. Чтобы господин наш, да зарезал слугу своего? Да знаешь ли ты, что я бы сам на нож пошёл, чтобы его спасти? И не только я! Скольких он от беды лютой избавил.

– Ну а как же те, кто негоден ему? – любопытствовал я. – Кого на телеге увезли? Может, их косточки давно уже воронами склёваны!

– Вот коли мог бы я сейчас встать, – сурово сказал Тангиль, – то подзатыльником бы ты не отделался. Я бы тебе рожу набок своротил. Ужели ты господина нашего за разбойника держишь?

– Ну а всё же, – не сдавался я, – куда их увозят?

– Куда надо, туда и увозят! – припечатал Тангиль. – И вообще, хватит глупый разговор вести. То ли не проснулся ты до конца, то ли демон тебе яду не только в кожу впрыснул...

Ну, пока он мне всё это говорил, боль послабее стала, а вскоре и просто в теплоту перешла. Потяжелели у меня веки, повело в сон – и улёгся я на тюфяк, провалился как в пустоту. Если и снилось что, совсем не помню. Пробудился от того, что тормозят – завтрак принесли. Поел через силу, не хотелось вовсе, и обратно спать залёг. То же и с обедом.

А потом проснулся, сел – гляжу в окошко и вижу: солнце уж заходит, значит, дело к ужину движется. А голова ясная, не болит, не звенит, кожу осмотрел – пупырышки крапив-

ные исчезли почти, в мельчайшие точки красноватые стянулись. И ощутил я в себе силу. Тут же натянул штаны да рубаху – и думать начал.

Завтра обязательно надо будет выпроситься за припасами, на рынок. И не к лавочнику пойду, а в Нижний Город. Пускай всё время на то убью, а зато послушаю, что в народе говорят насчёт событий в Башне Закона. Ведь побег оттуда – дело неслыханное, а что одним узником меньше стало – про то молва непременно пойдёт. Невозможно такие дела в тайне удержать.

А вот дальше – уже сложнее мне придётся. Установить, что господин Алаглани чародей – это даже не полдела, а так, четверть. Вот как он их, чары, творит, через что – посложнее будет разнюхать. Для этого ведь при нём надо бывать, а моё здешнее положение не очень для того удобное. Работы в саду и в сарае, работы по кухне, в город за припасами... господина, случается, целыми днями и не вижу. Ну, кое-что через Алая выведать можно, но умён Алай и даже по случайным вопросам кое о чём может догадаться... И потому спрашивать его с большой осторожностью надо.

Пока я над всякими планами да раскладами размышлял, время к ужину подошло. Заявился Халти, спросил, как я, жив ли, тащить ли мне сюда жратву или сам выйду. Я, конечно, сказал, что сам, что здоровее меня только быки у зажиточного селянина.

Да, простите, что сам не догадался пояснить: мы уже пару недель как не во дворе за столом на трапезу собирались, а в доме. Всё-таки прохладно уже стало, и Тангиль сказал: как первый ледок на лужах к утру появится, дадут нам другую одёжку, потеплее. А к зиме вообще и тулупы дадут, и шапки, и рукавицы.

Так вот, трапезничали мы в доме, в том же крыле, что и людская. Там есть просторная горница, обеденная. В длину локтей двадцать будет, в ширину двенадцать. Большое окно, выходит на юг. Длинный стол стоит, лавки, по стенам пучки ароматных трав развешаны – вот и вся, почитай, обстановка.

Ну, поели мы пшёнки со свининой, напились горячего отвара – да и пошли обратно в людскую. Всё-таки погорячился я, сказав Халти, что как бык здоров. Чувял я в себе какую-то неправильную лёгкость да звонкость, и перед глазами чуток плыло. Да, понимаю, и тогда понимал – не из-за мази тигриной это, а от листа ветродуя, которого я тогда лишку взял. Вообще-то ведь ветродуй не для того используют. Он от почек больных, и не отвар пить, а толчёный порошок с другими какими-то порошками лекаря смешивают и пилюли делают. И задумался я тогда: а ведомо ли господину Алаглани, что у листа ветродуя и другое применение есть? Лекарь господин Алаглани, конечно, знатный, да и чародей вдобавок, а вот откуда ему хитрую науку знать?

Но слушайте, что дальше было. Чуть только пошёл у нас в людской разговор интересный, про нечисть всякую, пришёл Алай и сказал, что господин меня кличет. Разом замолчали все, будто и в самом деле мохнатого домовика увидали. А я поднялся с топчана своего и – нечего делать! – пошёл вслед за Алаем. Дорогой шепнул ему:

– Не знаешь, зачем это я понадобился?

Вздыхнул Алай и сообщил:

– Там зеркала уже стоят. И свечи.

Вот так, значит. Два месяца с лишком господин не проверял моё здоровье, а сейчас, значит, вздумалось. Может, из-за «крапивной лихорадки»? Но и я понимал, и вы, надеюсь, понимаете, что лихорадка тут совсем даже ни при чём.

Вошли мы с Алаем вместе в кабинет. Господин не за столом на сей раз был, а стоял у окна, спиной к нам, и сейчас в том окне уже не солнце закатное виднелось, а густые синие сумерки. Кот сидел у него на левом плече – взъерошенный какой-то, и не чувствовалось в нём сейчас важности.

– Алай, – сказал господин, не обернувшись, – ты можешь сегодня ночевать в людской. Ступай же.

– Да, господин мой, – поклонился Алай и тихонько вышел за дверь. Как ни тревожно мне сейчас было, а подумал я: далеко вышел или подслушивает? И где подслушивает? Неужто всё-таки на чердаке?

А на столе действительно стояли зеркала, и горели на подсвечнике три тонкие белые свечи. Гостевое кресло было выдвинуто так, что если сесть в него, то лицо сидящего и зеркала оказались бы равноудалены друг от друга.

– Садись, Гилар, – по-прежнему не оборачиваясь, велел господин.

Я послушался. И как только опустился в кресло, тотчас в животе заныло. Нет, не так, как если в отхожее место надо – иначе заныло. Как перед какой-то бедой.

– Ну что, – спросил он, – прошла твоя крапивная лихорадка?

Судя по голосу, это интересовало его меньше всего на свете.

– Да, господин мой, – отозвался я бодрым тоном. – Как есть вся прошла!

– Если бы всё так легко проходило... – непонятно о чём вздохнул он. – Ну ладно, начнём тогда.

– А что начнём, господин мой? – решил я малость обострить. Риск невелик, а ответ интересен.

– Как что? – фыркнул он. – Изучение твоего здоровья телесного и душевного, посредством проверенных лекарских приспособлений.

– Да здоров я, здоров! – чуть не подпрыгнул я в кресле, показывая, сколь много во мне здоровья.

– Запомни, Гилар, – наставительно ответил господин Алаглани. – Если тебе что-то кажется, это вовсе не означает, что так оно и есть.

Ну, слово в слово то, что говорил брат Аланар!

Потом он снял с плеча кота, посадил того на подоконник и подошёл ко мне. Высокий, жилистый, лицо костистое, тёмные волосы перехвачены зелёной шёлковой лентой... а вот на лбу уже залысины намечаются. И вновь я подумал, что не всегда этот человек был лекарем да аптекарем.

– Что грызёт твою душу, Гилар? – глухо спросил он, остановившись позади меня и положив мне на плечи свои большие, сильные ладони.

Хотел я что-то ему ответить, да только вздохнул. И без того притягивали меня огоньки свечей, кружились перед глазами, воздух сделался густым, точно варенье, я изо всех сил выдохнул его, а новый вдох сделал уже в трактире.

Сидел я на полу, моими же руками до блеска надраенном, в нижней зале. Только сейчас посетителей не было, поскольку стояла ночь... и даже не так, уже, если приглядеться, в окошке намечался рассвет. А тут горели факелы, и пламя их, тёмно-рыжее, металось, будто от ветра – хотя никакого ветра тут и быть не могло, наглухо ведь закрыто окошко. И в этом неверном, мятущемся свете матушкино лицо всё время менялось. То ложились на него тени, то отступали. Казалось оно живым, но странная то была жизнь.

Я знал, что на погосте уже могила вырыта, и завтра... вернее, уже сегодня... Это сейчас я могу уцепиться за холодную её руку, могу смотреть в лицо, чтобы запомнить... а скоро уже ничего тут от неё не останется. Из разговоров слуг – новых, нанятых дядюшкой Химарам – я знал, что всю одежду её, как предписано благочестивым обычаем, раздадут на городском базаре нищим. А бусы из жемчуга, золотое колечко, яшмовая брошка – всё это прибрал бережливый дядюшка, и вовек мне их не увидеть. И ещё я знал, что комнату, в которой она эти месяцы умирала, отдадут новым служанкам, Хигайи и Бусихало.

И сидя на полу, понял вдруг бритвенно-острой мыслью, что кончилась моя жизнь, и этот, протирающий тесными штанами пол – уже не совсем я, а кто-то другой, похожий, но

у этого «почти меня» уже нет матушки, а значит – нет вообще ничего. И ещё я подумал тогда, что почтенные братья учат: не должно человеку лишать себя жизни, но вдруг они говорят, чего не знают, и на самом деле есть у меня такая возможность – прибежать к матушке, ткнуться лицом в её живот? В реку ли со скалы прыгнуть, узелок ли на верёвке завязать да к потолочной балке приладить... мука недолга, а зато потом... И тут же другая мысль накатила: а если всё-таки братья правду говорят? Тогда мне уж никогда в другом мире матушку не встретить, буду вечно блуждать во тьме.

А что самое тяжкое, плакать я не мог. Накануне всё из себя выплакал, и сейчас глаза были точно колодцы в жаркое да засушливое лето.

А сзади меж послышался дядюшкин голос:

– Что расселся, дармоед? Светает! А ну, живо полы в большой зале мыть!

Вскочил я, сам не зная, что сделаю. То ли ножик из рукава выну, вчера заныканный, и в брюхо ему воткну, то ли схвачу ведро и тряпку...

Дёрнул я головой, понимая, что нет никакой залы – ни верхней, ни нижней, и нет никакого дядюшки, а стоит сзади господин Алаглани, кота на руках держит. Надулся кот, и при свечах кажется сморщенным яблоком.

– Вставай, Гилар, – тронул меня за плечо господин. – Всё в порядке с тобой. Просто дурной сон накатил, бывает. Ступай отдыхать.

Будто после такого сна отдохнёшь! Я был уверен, что всю ночь не засну – потому что нисколечки не забылось. Будто провалился в яму глубиной в четыре года, и хоть назад и выполз, а всю грязь за собой притащил.

А на самом деле тут же заснул.

Лист 14.

Проснулся я рано, темно ещё было, и в окошке виднелась яркая звезда – Хамайдаиль называется, мне про неё брат Аланар историю поведал. Ну, про то, как древний герой Ситаурами-гноо решил украсть у демонов чудодейственный огонь, который они сами у Творца украли... Ну, и чем это для него кончилось.

Ладно, понял, языческие басни отставить. Тогда по делу. В такой предутренней тьме хорошо думается. Конечно, если ты сам проснулся, а не подняли тебя пинком.

А думал я о том, что вечером со мной в кабинете господском случилось. Сон? Конечно, похоже на сон, но никогда прежде, то есть до служения в доме господина Алаглани, не случилось со мной таких вот стремительных снов, после которых всё помнишь ярко-ярко. И в обычном-то сне всё происходит как-то иначе, чем наяву. Брат Аланар сказал бы, нарушается логика. Здесь же всё было как на самом деле, как четыре года назад. Просто вспомнилось всё, что уже забытым считал. И ведь такое уже со мной было – тогда, на четвёртую неделю моего здешнего служения. Сами ли по себе такие сны случались – или способствовали тому зеркала и свечи? Чары? Господин, конечно, никаких заклинаний не говорил, но вы же знаете, бывают и беззвучные чары. А вот что это лекарский способ изъяны в здоровье выявить – не верю совершенно.

И начал я тут припоминать и сопоставлять. Служу я господину Алаглани четвёртый месяц, но всего два раза он меня вызывал для «проверки», а точнее, для снов этих зазеркальных. А вот других зовёт чаще. Если, конечно, допустить, что зовёт он для таких же снов, а не для чего-то ещё. Хайгару уже раз пять ходил, Алай – четыре, и это ещё до того, как взял его господин в лакеи. Тангиль ходил трижды, но тут у меня сомнение, тут, может, просто он отчёт давал об управлении. Про Халти – не помню, чтобы ходил, что же Дамиля касается, то неизвестно, как часто с ним было это во время его лакейского служения, но после точно один раз был – как раз позавчера, когда я с нетерпением ждал, чтобы ребята утомонились поскорее. Что же до Хасинайи, то сказать сложно. Дамиля же спрашивать бесполезно – приходилось ли ему вызывать девчонку к господину, а дружка моего Алая ещё предстоит спросить, и нужно придумать, как бы это поумнее сделать, чтобы лишних мыслей у него не вызвать.

Но что же всё-таки с нами господин делает? Догадок-то много можно предложить, только сперва вернее будет сказать о твёрдо установленном. Твёрдо же установлено вот что: хоть и не каждый день, но довольно часто господин вызывает к себе в кабинет кого-то из слуг. Возвращается тот спустя полчаса или час – во всяком случае, всегда до того, как часы бьют десять пополудни. Возвращается грустный и молчаливый. Ночью нередко на слёзы его пробивает. Это я и по себе знаю. В кабинете вызванного слугу сажают в кресло, перед ним на столе горит трёхсвечник, сбоку зеркала стоят. Господин, стоя сзади, спрашивает, «что грызёт твою душу», но, кажется, не ждёт словесного ответа – потому что очень скоро после его вопроса наступает странный сон. После пробуждения слугу быстро выставляют прочь. Никогда одного и того же слугу не вызывают дважды подряд. Никогда между вызовами не бывает менее трёх дней. На прямой мой вопрос, зачем нужно всё это – свечи, зеркала – господин ответил про обычную лекарскую проверку. Среди вас, почтенные братья, есть и лекаря – вот и сами судите, насколько сие обычно.

Хотелось бы мне узнать, что снится остальным, посаженным между зеркалами. Но вряд ли кто ответит – я бы и сам отвечать не стал даже другу, а вам, почтенные братья, говорю лишь потому, что обязан отчётом. Уж больно тяжело всё это вспоминать – самые поганые повороты жизни. То, что лучше бы навсегда забыть.

Ну, пока я так лежал и думал, начало светать, а в седьмом часу мы уж встали. И закрутился обычный день. После завтрака взял я корзины да и отправился в город, за покупками.

Спросился, конечно, у поваров наших, для порядку. А у Халти и спрашивать не стал – тот вообще, как мне думается, сообразил, что кончится скоро его время и что быть ему снова под Тангилем до зимы – так лучше уж не цепляться за власть, а дожидаться, пока Тангиль уйдёт, и самому старшим стать, не временным уже, а постоянным. Поэтому он особо ни во что не вмешивался, не надзирал за всеми тщательно, как это Тангиль делал. А Тангиль, по моему, потому так старался, что самым старым тут себя чувствовал. Раньше всех у господина оказался, дольше всех здесь живёт – а значит, как бы и сам немножечко господин.

Хотя, может, и сгустил я малость – ибо он что-то не торопился выздоравливать. То ли наигрался уже во власть и решил спокойно до зимы дотянуть, то ли и в самом деле рука погрызенная плохо заживала и болями изводила. Ну и ушиб головы, само собой. Тоже радость невеликая. Вот уже третий день валялся он в людской на тюфяке, еду ему Гайян носил.

Но и то удивительно, что господина это, похоже, устраивало – что главный старшой свои страдания преувеличивает, а временный старшой не шибко старается. Может, потому, что всё обычным порядком шло и без разницы пока было, а может, верна моя догадка – не так уж сильно господина порядок волнует, как это Тангиль нам всегда внушал.

Ладно, давайте про базар. Пошёл я, значит, в Нижний Город, и там, конечно, хорошенько пошлялся, послушал разговоры. А разговоров было много, и все говорили разное. Кто клялся Изначальным Творцом, что на Башню Закона напал огненный дракон и из-за дракона этого все узники разбежались. Кто над этими баснями смеялся и твердил, что никакого дракона не было, а просто разбойники подземным ходом в башню проникли и охрану перебили, а после кого-то из узников с собой увели. Над этим тоже потешались – как это охрану перебили, когда зять своими глазами видел: нерадивых стражников на торгу кнутом пороли. А другие говорили, что в одной из камер пол провалился в пещеру подземную, и все узники того... короче, сожрали их подземные твари.

Ну, что я из всех этих пересудов понял? Что, во-первых, своими глазами никто ничего не видел, а только пересказывают услышанное и добавляют подробности для интереса. А во-вторых, что-то действительно стряслось: то ли один заключённый, то ли несколько из камер своих исчезли, и по этому делу расследование идёт, и начальник стражи городской толстым своим носом землю роет, и сыщики из Пригляда суетятся. Ведь при Новом Порядке ни разу такого не случалось, чтобы кто-то из Башни Закона удирал. Стражников действительно пороли, правда, не всех, а старшего смены, Хайдиралая, и не на торгу, а во дворе Башни наутро. Это зеленщик Миарзили поведал, который соседствует с этим Хайдиралаем и приятельствует. Тот ему вечером же в пивной и рассказал свои горести. А я этому рассказу склонен верить, ибо, по словам зеленщика, бедняга Хайдиралай как раз ничего и не слышал, и не видел, и пришлось ему отдуваться только потому, что должность... Начни зеленщик про огненных драконов или подземных тварей изливать – всё бы с ним ясно стало. Но тут похоже на правду.

Что совершенно точно – исчез молодой Хаузири. Насчёт кого другого не знаю, но этот – точно, потому что глашатай на торгу орал, будто за голову его обещано сто серебряных огримов. Оцените: в десять раз больше, чем, скажем, за беглого Алая.

Вот так и получил я последнее доказательство тому, что господин действительно вдове помог, и то, что я в полночь видел – не обман какой хитроумный. Причём помог чародейством – иначе откуда бы повозка с возницей появились там, где ещё миг назад их не было? Понятно, что не одно только чародейство, что судьбу этой матери с сыном он обычными средствами решил устроить – через знакомых своих, затем и письма в тот день писал. Но без чар точно не обошлось.

Ещё услышал я, что мать преступника, вдова Анилагайи, тоже куда-то делась, что второй день её никто не видел, а когда стражники с утра ввалились в её каморку, так ничего и не нашли.

Ну, закупились я припасами съестными и домой отправился. Только, сами понимаете, по пути небольшой крюк сделал и в известном вам месте кое-что оставил и кое-что взял.

А после обеда случилось то, чего я уж никак предвидеть не мог. Только собрался я грядками заняться, с которых урожай зверозубника снят, под зиму перекапывать, как прибежал Алай, позвал меня к господину. Воткнул я лопату в землю – и прямо, даже рук не помыв, пошёл в господские покои.

Господин у окна стоял и был не в халате своём чёрном, а в городской одежде. По пути Алай шепнул мне, что только-только вернулся он из города и чем-то сильно недоволен.

Повернулся к нам господин, и понял я, что «недоволен» – не то слово. Разъярён он был чем-то, и по тому, как поджимает он губы, как пальцами левой руки тискает правую, понял я, что с трудом он себя сдерживает. Я даже на всякий случай испугался, и Алай, кажется, тоже.

– Ну, будь здоров, Гилар, – скучным тоном проговорил господин. – А ты, Алай, не торопись убежать, – добавил он, заметив, что дружок мой намылился шмыгнуть в дверь: – Небось, решил: поручение выполнил, доставил кого велено, не смею мешать?

Мы стояли в дверях и считали за лучшее молчать.

– В общем, так, Алай. Недоволен я, как ты обязанности свои исполняешь. Нет в тебе расторопности, нет аккуратности. Часы мне вчера самому заводить пришлось, в спальне пылищи полно. И поведение твоё не нравится – то дурачка из себя строишь, то дерзишь, остороженько так, исподтишка. Кроме того, разве кто разрешал тебе трогать мои книги? Что глазами хлопаешь? Думаешь, я не помню, в каком они стояли порядке?

Глянул я на Алая – и поразился. Хоть и побелело его лицо, но не страх в глазах был виден, а удивление. Уж не напраслину ли возводит на него господин?

– Я не касался ваших книг, господин мой, – тихо сказал он.

– Кроме тебя некому, – усталым каким-то голосом возразил аптекарь. – В общем, накопились за тобой дела. Сперва я думал хорошенько тебя выдрать, но потом решил, что толку не будет. Сдаётся мне, что причина в том, что ты по-прежнему мыслишь о себе как о князе, как о Гидарисайи-тмаа. И невместно князю выносить ночной горшок и таскать подносы с едой. Что, угадал я?

Алай мотнул головой.

– Не лги, – вновь заговорил господин. – Ты, может, и сам до конца себя не понимаешь, но я-то вижу. Гордость высокородная тебя изнутри ест. И с этим ничего поделаться я не могу. Поэтому боле ты мне для комнатного услужения не нужен.

Он замолчал, и молчал долго – может, целую минуту. И за эту минуту чего только я не успел себе вообразить: и телегу, запряжённую быками, на которой увозят Алая, и городских стражников, которым господин сдаст беглого преступника, и даже – вы только не смейтесь! – могилу, которую сейчас поручат мне выкопать в дальнем уголке сада. А что Алай тогда передумал – то мне так и осталось неизвестно.

– И потому ты, Алай, вновь будешь заниматься аптекарским огородом, – завершил господин. – Это у тебя явно лучше получается. А вот в комнатное услужение я беру тебя, Гилар! Почему-то мне верится, что справишься.

Стоял я, как мешочком с песком по голове стукнутый. И сам не понимал – то ли все мысли у меня из головы выскочили, то ли носятся они там друг за другом с огромной скоростью, так что ни одну не ухватишь. А потом вращение это замедлилось и начал я соображать.

Ведь что получается? С одной стороны, можно сказать, мечта сбылась. Хотел я быть всё время при господине, и вот, пожалуйста. С другой стороны, есть тут не только благо, но и худо. Первое худо – что больше не смогу в город за покупками ходить. Не лакейское то

дело, имеются на то кухонные ребята Амихи с Гайяном. Когда ж в известное место бегать? Разве что по ночам, ну так и ночью я могу оказаться надобен господину. Из его покоев удрать посложнее будет, чем из людской. Второе худо – а придётся ли господину по нраву моё служение? Что-то в последнее время заносить его стало. То Дамиля из лакеев изгнал, то Алая... Долго ли я продержусь?

И почему, кстати, я? Впрочем, понятно, почему. Кого ещё-то? Дурачка Хайтару? И без того проштрафившегося Дамиля? Старшого с рукой покусанной и головой стукнутой? Халти – ученика и помощника по лекарской части? Безумицу Хасинайи? Так и выходит, что кроме меня – некому. Разве что нового слугу нанять. Но я уже давно понимал, что так вот просто взять и кого-то нанять господин наш лекарь не может. Неслучайно подбирает он себе слуг, а по какому-то доселе неведомому мне понятию.

– Ступай, Алай, – велел меж тем господин. – Скажешь Халти о перестановках наших, и занимайся травами. Оно для княжеской чести не столь зазорно.

Поклонился Алай и убежал. Остались мы с господином в кабинете вдвоём – если, конечно, не считать кота, посверкивающего глазами со шкафа.

– Я гляжу, сильно ты удивлён, Гилар? – усмехнулся господин и уселся в гостевое кресло. – И, похоже, не рад?

Ну, что тут можно ответить? Брат Аланар учил, что лучше всего – честность. Не вся, конечно, а малый её кусочек.

– Боюсь я, господин мой, – признался я. – Боюсь, что не справлюсь. Вам же, мыслю, лакей нужен к благородному обхождению привычный, знающий всякие там приличия... а я кто? Купецкий сын, я больше по гвоздям и топорам понимаю...

– Об этом можешь не волноваться, – краем губ улыбнулся господин. – Тут тебе не королевский дворец и не графский замок. Обязанности твои будут несложны, но потребуют усердия и тщания. Ну, что убираться в покоях ты должен, само собой понятно. Кабинет, спальня, гостиная и столовая – за тобой. Остальное другие моют. Тебе запрещается открывать шкафы и ящики стола, кроме шкафа в спальне, там одежда, и ты должен содержать её в порядке. Вовремя вычистить, вовремя выгладить. Второе – подавать мне еду. Завтрак, как ты знаешь, в семь часов, обед – в три пополудни, ужин – в семь. Сам будешь есть после того, как поем я, на кухне тебя покормят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.